

НЕВЕРОЯТНЫЙ РОМАН
*о ведьме и подростке, объединившихся
против сил зла*

ПОЛА БРЕКСТОН

ДОЧЬ ВЕДЬМЫ

like
BOOK

Annotation

Уэссекс, 1628 год. У Бесс не осталось никого: ни матери, ни родных, ни друзей. Она продирается сквозь колючие заросли к морю, ползет по холодной земле. Ей нужно спастись от преследователей. Но охотники за ведьмами не дремлют. Они сделают все, чтобы вернуть беглянку и предать огню. Англия, наши дни. Теган всего семнадцать, но у нее уже столько проблем. Вечные переезды, отсутствие друзей, одиночество — все это ранит ее. Но однажды судьба дарит ей встречу с загадочной женщиной. Теган понимает, что в странной отшельнице может обрести друга, о котором давно мечтала. Впереди у них не только долгая дорога к доверию, но и страшная битва со злом. Битва, которая закончится в старом лесу, где предстоит сгореть древним дубам и букам.

Пола Брекстон

Дочь ведьмы

Paula Brackston
THE WITCH'S DAUGHTER

Copyright © 2010 by Paula Brackston
Published by arrangement with St.Martin's Press, LLC
All rights reserved

© Ракитина Е., перевод на русский язык, 2016

© Издание на русском языке, оформление.

ООО «Издательство «Э»», 2017

* * *

Саймону, который знает, чего это стоило

Бесс бежала. Ясного ночного неба и жирной луны было довольно, чтобы озарить ей путь. Она страшилась рассвета, ведь с ним ее отсутствие должны обнаружить, и тогда начнется охота. Кандалы, по-прежнему замкнутые на ногах, даже при крошечном шаге колотили ее по лодыжкам, с каждой свисало единственное звено, оставшееся от разорванных цепей. Железо впивалось в молодую кожу, и вот следом за Бесс уже потянулась кровавая полоса. Ее босые ноги шлепали по мелкой грязи, повторяя путь, столь знакомый, словно он был отпечатан в мозгу, отчетливо нанесен на карту, так что свернуть с него, выбежав за околицу деревни и устремившись к лесу, было нельзя. И все же короткая дорога казалась длиннее, чем обычно, деревья словно отступали от Бесс, отстранялись от ее клокочущего страха, не становясь ближе, как бы она ни мчалась.

Это обман зрения. Всего лишь игра лунного света и тени. Вперед, без колебаний!

В ушах отдавалось собственное дыхание, достаточно громкое, чтобы разбудить спящего некрепким сном в доме на отшибе, стук сердца вдруг загремел так, что его нельзя было не услышать. Она прибавила ходу, и ее, наконец, укрыли под своей сенью первые тонкие деревца. В зарослях тьма была совсем иной. Лунные лучи пробивались сквозь молодую весеннюю листву, дробясь и рассыпаясь, а корни и колючие кусты цеплялись за платье Бесс. Она бежала вперед. Вскрикивала, обдирая стопы о камни. С плеском перебралась через ручей, и студеная вода на мгновение притупила боль ее ран, прежде чем песчанистая лесная земля не начала снова с каждым шагом забиваться все глубже и глубже в разорванную плоть. Ухнула сова, недовольная появлением Бесс. Барсук втянул морду обратно в нору, ожидая, чтобы помеха ушла с пути.

Прохладный ночной воздух жег беглянке горло. Кашляя и задыхаясь, она все равно не замедляла шаг и не заботилась о том, чтобы побережься после стольких часов заточения в тюремной камере, где было не пошевелиться. Здесь, по крайней мере, было чем дышать. Бесс взобралась на пологий холм и остановилась, ухватившись за ствол высокого ясеня, чтобы устоять на ногах. Лес она чувствовала на вкус, языком: мох, серебряный лишайник, бегущий сок деревьев. А кроме того, было еще два ясных, осязаемых ощущения: ее собственный страх и море. И то и другое — соленое, и то и другое напоминало об ужасе и свободе. Она всмотрелась туда, куда вела тропинка, в глубину леса. Там крылось спасение от тех, кто держал ее в неволе. Там ждал ее он, и у него были наготове лошади, припасы, план и место ночлега. Она оттолкнулась от дерева, собрала оставшиеся силы, но что-то ее удержало. Что-то внутри велело ей подождать. «Подумай, — сказало оно, — подумай, чего будет стоить такая свобода».

Далекий звук заставил ее вздрогнуть. Собаки! Они вот-вот настигнут беглянку; мешкать нельзя. Но голос внутри было не заглушить. «Подумай», — остерегал он.

Мама? Как мне быть?

В ответ ночной ветер наполнил ее ноздри запахом моря. Лай собак со стороны деревни стал громче, теперь за ним слышались голоса. Внимание Бесс привлекло движение впереди, во тьме. Она, без сомнения, различила очертания всадника и лошадей. Те, кто охотился за ней, лишат ее жизни, это девушка знала точно. Но какую цену она заплатит Гидеону за

свободу?

Нет. Я к нему не пойду. Не пойду...

Она повернула и бросилась по тропинке, шедшей на восток, прочь от деревьев, прочь от голодных собак, прочь от него. Через пару мгновений вырвалась из леса и помчалась по пружинящему дерну, по открытой местности, к тому единственному, что ей осталось, — к морю. Она не столько услышала, сколько почувствовала, что он преследует ее. Оглянуться девушка не смела. Когда она добралась до тропинки среди скал, над горизонтом поднялось влажное солнце, за которым тянулся по морю горький кровавый след. Плоский, без теней, дневной свет пришел на смену ночи, и Бесс оказалась на виду. На скале, у обрыва, беглянка остановилась. Глядя в сторону деревни, она видела пылавшие в сером сумраке факелы и различала смутные, лишенные черт фигуры, быстро приближавшиеся к ней. Даже сквозь заволаживающий шум волн беглянка услышала, как бьют оземь копыта. Он не звал ее, но она узнала его голос у себя в голове: «Бесс! Бесс! Бесс!»

Девушка не хотела оборачиваться. Встретись она с ним взглядом, воля оставила бы ее. Внизу, под высокой водой, не было видно песка, только глубокое море и дробящий кости известняк и кремь. Солнце взобралось выше, и, подняв глаза к облакам, Бесс увидела небо, возвещавшее конец света, прежде чем шагнула вперед, в никуда.

Меня зовут Элизабет Энн Хоксмит, мне триста восемьдесят четыре года. Каждое новое место требует новой летописи, и здесь начнется моя «Книга теней».

2 февраля 2007 года,

полнолуние

В первое утро в коттедже «Ива» я проснулась на рассвете, под густой снегопад. Окрестности робко кутались в горностаевый мех, дожидаясь, пока смогут открыться мне при более близком знакомстве. Небо ненадолго зарделось, поманив ускользящим теплом. Из окна спальни, как я и ожидала, открывается прекрасный вид на деревню Метрейверс. Домик мой стоит на возвышенности за лугом, он приятно отделен от скопления коттеджей под соломенными кровлями и короткого ряда кирпичных домов, образующих центр деревни. По краям луга, который также может похвастаться ручьем в меловых берегах и прудом для уток, обосновались почта и магазинчик, постоянный двор с претензией и автобусная остановка, с которой ребяташек забирают в школу, а пенсионеры ездят на еженедельный рынок в Пасбери. Церковь стоит на другой стороне луга, чуть в глубине, ее почти полностью скрывают могучие тисы. По улице за церковью можно выйти к каналу, который убегает на восток, к Пасбери. От крыльца дома я замечу любого, кто идет в мою сторону, а скромные заросли во дворе обеспечивают мне уединение. Я самостоятельно могу выбирать, когда видеть людей, а когда не быть на виду.

Я изо всех сил стараюсь быть неприметной, насколько позволяет моя, скажем прямо, необычная внешность. Женщина, которая живет сама по себе, всегда привлекает внимание, особенно если она чем-то отличается от прочих. Из этих соображений я собираю свои длинные волосы в свободный хвост и часто ношу шляпу. Отец говаривал, что у меня осенние волосы и что это, наверное, оттого, что я родилась в сентябре. Что верно, то верно, цветом кудрей я удалась под стать этому времени — смесь лощеного блеска спелых каштанов и яркой дубовой листвы, отливающей медью, когда год клонится на убыль. Сам по себе такой цвет, даже в сочетании с исключительной длиной волос, не вызывал бы любопытства. А вот то, как эти насыщенные тона оттеняют широкую белую прядь, сбегаящую ото лба справа, заставляет незнакомцев присматриваться. Это не серебристая отметина зрелости, это снежно-белая полоса, ледяной мазок, словно богиня зимы коснулась меня и оставила след. Хотела бы я, чтобы происхождение этого «подарка» было так безобидно. Но правда куда мрачнее.

К тому же я высокая и, несмотря на изрядный возраст, по-прежнему живая и сильная. Судя по внешнему виду, мне не дашь больше пятидесяти. Я одеваюсь удобно и практично, так чтобы не привлекать внимания. Сейчас, похоже, моду можно приспособить к капризу любой женщины, и свои длинные юбки, любимые богатые ткани, дорогие мне предметы одежды, собранные за много лет скитаний по земле, я могу носить, выглядя всего лишь немножко чудаковатой.

Уверена, коттедж после некоторых изменений хорошо подойдет для моих нужд. Я собираюсь проложить дорожку от задней двери к ручью, который бежит под ивами, давшими дому имя. Изгородь из остролиста по переднему краю двора надо бы засадить погуще, а еще

нужно будет отыскать место для бузины, березы и рябины, когда придет время. Сад предстоит полностью перекопать и как-то исправить нехватку тени с западной стороны дома. Огороду там будет хорошо, но места много, а любые другие посадки точно засохнут. Дом пока пусть остается как есть, лишь бы дурная погода не помешала мне работать на улице. Если ночь нынче выдастся ясная и лунная, я промерю огород и размечу его ореховыми прутиками. Может, даже отважусь выйти на ночную прогулку, хотя вряд ли дойду до опушки большого леса, который виден на горизонте за домом. Он манит меня, но я еще не готова туда отправиться. В другой раз.

В такой ясный день, как сегодня, когда все кругом свежо и устремлено в будущее, легко на какое-то время забыть о прошлом. Словно оно не может бросить тень на незапятнанный снег. Имболк^[1] — мое любимое время для поисков дома, оно знаменует взгляд в будущее, ожидание возрождения и обновления. Но расслабляться нельзя. Нельзя позволять себе утратить бдительность. Живописные окрестности, конечно, вполне безобидны, такими же, предсказываю, окажутся по большей части и мои соседи. Опасность, как всегда, придет издалека. Она не сидит в засаде, а неотступно следует за мной. Мне нельзя становиться уязвимой, поддавшись иллюзии безопасности.

6 февраля 2007 года,

Луна в третьей четверти

Снег все еще окутывает долину, хотя его уже запятнали. Судя по следу, оставленному брюхом барсука, по моему заднему двору проходит его тропа. Нужно будет отговорить барсука выкапывать мои молодые растения, когда придет Остара^[2]. Тропинка перед калиткой почернела, а деревня стала напоминать месиво из бурых садов и серых, бугристых изваяний, оставленных детьми. Осторожные пешеходы вытоптали в ледяной воде на скользких тротуарах плотные островки осевшего снега. Все мы на время обрели причудливую походку. Каждый шаг короче, чем ожидаешь: или срываешься, оскользнувшись, или неловко напрягаешь мышцы, когда ноги разъезжаются по слякоти. Люди слишком заняты погодой, чтобы причинять мне беспокойство.

Я начала работать в саду, но земля в чудовищном состоянии из-за тающего снега. Мало что можно сделать, разве что распланировать все и предварительно расчистить. Это вынудило меня заняться домом. Комнаты в нем удивительно маленькие и низкие, две в передней части, две позади, и на первом этаже, и на втором, из-за чего спереди он похож на кукольный домик с окнами по обе стороны от входа. Мне не нравится, что дверь открывается прямо у подножия лестницы, но с этим ничего не поделаешь. Чтобы это изменить, нужно перестраивать дом, нанимать рабочих, а чужие люди рядом на несколько недель — это цена, которую я не готова заплатить.

Из передней комнаты выйдет прекрасная гостиная, хотя я редко буду ею пользоваться. Столовую можно приспособить для сушки растений и хранения масел и травяных подушек. Основная работа ждет меня в кухне. Сегодня я провела там много времени, прикидывая, где лучше расставить настойки и мази. В кухне отличная угольная печь, пол выложен квадратной плиткой, стеклянная дверь в сад выходит на запад. Я разожгла печь, бросила в нее пучок

шалфея и благословила дом его резко пахнущим дымом. Стоя с закрытыми глазами и наслаждаясь покоем и радостью, наполнившими мое новое жилище, я уловила тихий царапающий звук. Волосы у меня на шее встали дыбом, казалось, по хребту ползет гусеница. Я открыла глаза и посмотрела туда, откуда исходил звук. Тревожиться было не о чем. Древесная мышь с желтой шейкой грызла оконную раму. Я отодвинула защелку.

— Доброго тебе утра, — сказала я. — Может, зайдешь?

Мышь пару мгновений смотрела на меня блестящими, как росинки, глазами, а потом прыгнула в открытое окно. Когда она скользнула мимо меня, а ощутила, как холодны ее голые ушки. Мышь обежала кухню кругом, прежде чем устроиться возле плиты, и принялась мыть лапки. Я принесла ей кусочек хлеба.

— Заключим договор, — заявила я. — Скажи своим, чтобы не трогали мои припасы, а я за это буду каждый день оставлять тебе поесть на подоконнике. Согласна?

Мышь прервала свое занятие. Ни звука это крохотное создание не издало; я поняла, что она приняла мои условия. Избавить припасы от внимания мышей — это стоит нескольких крошек.

Я уже расставила по местам дубовый стол, комод и шкафчик с ящиками, который как раз встал рядом с глубокой раковиной; развесила на дальней стене полки для многочисленных банок. В кухне, по счастью, и тепло, и светло, здесь будет приятно работать. Прощлой ночью лунные лучи падали сквозь окна, на которых нет занавесок, и омывали комнату жемчужным светом.

Позже я вышла в рощицу и зажгла свечу, призывая духов и фей леса. Я пригласила их показаться, заверив, что им здесь рады и что я не отниму у них дом, принадлежащий им по праву. Я в их лесу гостя, и пока я здесь, буду пользоваться им бережно и уважительно.

10 февраля 2007 года,

Луна в четвертой четверти

Снег стаял, и его сменил стальной мороз, а это значит, что садом я по-прежнему заняться не могу. Тем не менее у меня получилось уделить внимание изгороди из остролиста, — она его давно требовала, — и расчистить место для новых растений. Изгородь, судя по всему, частично насадили, когда строили дом, что, как я понимаю, было больше ста лет назад. Кажется, это случилось так давно, мир столько вращался и содрогался за минувшее столетие. И все же для меня это лишь глава из жизни. По совести сказать, у меня больше общего с древним дубом на деревенском лугу, хотя сомневаюсь, что он видел столько весен, сколько я.

Пока я трудилась над остролистом, прискакала белка, поглядеть, чем я занята. Отличная особь с длинным хвостом и густым серебристым мехом. Я позвала ее, чтобы подошла поближе, и она с радостью забралась по руке ко мне на плечо и уселась там. Общество диких созданий утешает, а их доверие радует. Я поняла, что за мной наблюдают. Разумеется, я постоянно начеку, чувствую, когда на меня смотрят, но в этот раз я не встревожилась. Присутствие незваного гостя было мирным. Я остановилась и потянулась, расправляя уставшую спину, а белка тем временем спрыгнула и поспешила прочь. На дорожке я увидела

худенькую девочку. Одета она была не по погоде, мерзла и переминалась с ноги на ногу в модных сапогах. Она смотрела прямо на меня, и на ее приятном лице читалось любопытство.

— Доброе утро, — сказала я и выжидающе замолчала.

— Здравствуйте. — Голос у незнакомки был мягкий. — Что это вы делаете?

— Как видишь, — я указала совком, — чиню изгородь.

— Холодновато, как по мне, в саду-то возиться.

Она потерла руки и стала на них дышать.

Я гадала, сколько ей лет. Ростом она была ниже меня, но большинство женщин ниже. Может, пятнадцать? Шестнадцать? Граница взрослости смещается от десятилетия к десятилетию, взад и вперед, теперь я уже не могу точно угадать возраст. Облегающая одежда и явное желание выставить напоказ тело говорили о молодой женщине, а неуверенный голос и речь указывали на неловкого ребенка. Семнадцать, решила я. Немногим больше, чем было мне, когда рухнул мой мир. Когда меня выбросило в будущее, где предстояло скрываться и жить в одиночестве.

— Мне нравится этот дом, — призналась девочка. — Забавно, как он наверху устроился и следит за деревней. У него окна, как глаза с улыбкой, правда?

— Можно и так сказать.

— Я увидела дым над трубой, — продолжила она. — Здесь никто не жил, когда мы приехали. Вы, значит, тоже тут недавно?

— Да, это так.

— Мы месяц. А кажется, что уже вечность.

Она махала руками — и от волнения, и чтобы согреться.

— Тебе не нравится деревня?

— Да нет, место нормальное: поля и все такое, но делать-то здесь нечего.

— Нет того, к чему ты привыкла?

— Не, мы из Бейзингстока сюда переехали. А до того жили в Далвиче. Бог знает, где окажемся потом. Маме просто стукнет вдруг — и все, мы собираем вещи. Она думает, мне в деревне будет лучше. Меньше вариантов во что-нибудь вляпаться. Но тут скорее меньше вариантов на хоть какую-то жизнь.

Я посмотрела на нее внимательнее. В этом юном создании было что-то — что-то притягательное, честное, доверчивое, что редко видишь в незнакомцах. Я поймала себя на том, что думаю, не предложить ли ей чашку горячего шоколада, чтобы согреть озябшие пальцы. Но нет. Приветить безобидных соседей, познакомиться с ними, было бы так легко — но я не должна этого делать. Я снова занялась своим делом, отвернувшись от девочки.

— В такой день надо надевать теплое пальто, — посоветовала я ей.

Я чувствовала, что она еще мгновение смотрела на меня, а потом услышала, как девочка пошла прочь. Признаюсь, тело сковал холод, от которого не избавишься, сколько бы ни трудился в саду. Вскоре я ушла в дом и стала хлопотать в кухне, не желая думать о суровой правде, заставившей отослать девочку. Видит небо, я привыкла жить сама по себе; нельзя сказать, что мне такое положение вещей незнакомо. И тем не менее уединение и одиночество разделяет лишь одно содрогание. Я живу, сознавая, что друзей у меня нет не по выбору, а по необходимости, ради моей же безопасности, ради безопасности любого, кто ко мне приблизится.

Я занялась распаковкой оставшихся коробок. Есть нечто утешительное в созерцании

заставленных полок, поэтому к моменту, когда на место была водружена последняя банка маринованной свеклы, я стряхнула с себя печаль. Блестящие ряды стекла и припасов указывали на порядок и надежность. В тот вечер я зажгла в кухне только свечи и села у печи, открыв заслонку, глядя, как горит яблоневое полено. Вид его согревал меня не меньше, чем жар, который оно давало. Облачена я была, как привыкла зимой, во много слоев удобной одежды: сорочку из тонкого шелка, мягкие шерстяные рейтузы, хлопковую рубашу, тяжелую репсовую юбку, подметавшую пол, и два легких свитера. Сапожки из кожи тюленя подарил мне рыбак-инуит, когда я жила на обширных ледяных равнинах Севера. Я стащила через голову вязаный полушерстяной свитер. Пряжа потрескивала, когда я его снимала. Мелкие искорки проскочили в сумраке между нитками и моими волосами, внимательный глаз мог бы их заметить. Я повернулась к столу и налила в лампу немножко масла, чтобы согрелось. Розмарин. Вскоре комнату наполнили восходящие к потолку испарения. Как всегда, запах напомнил о матери. Глаза у нее были голубые, как цветы розмарина, а влияние на мир таким же мощным и придающим сил, как аромат этого растения. Даже сейчас я вижу, как терпеливо она учит меня связывать пучки ветвистых стебельков и подвешивать их для сушки. Мне было не больше шести. Она вставала у меня за спиной, обхватывала руками и склонялась, чтобы помочь детским неловким пальчикам. Меня окутывала безграничная материнская любовь, я вдыхала мамин природный сладкий запах. В ней было столько терпения. Столько нежности. Столько решимости научить всему, что она знала, разделить со мной свои удивительные познания. Жесточайшая из пыток в мои немалые годы — то, что скорбь не убывает, не спадает ниже привычного уровня. Она просто длится, она — мой единственный спутник в океане времени.

13 февраля 2007 года,

Луна входит в созвездие Козерога

Все еще холодно, но мороз чуть ослаб. Сегодня я совершила вылазку в деревню. Я сознавала, что откладываю ее. Я не хочу заводить никаких знакомств с соседями, кроме самых поверхностных, но понимаю, что держаться совсем наособицу неправильно. Быть затворницей означает казаться загадочной сверх того, что могут вытерпеть деревенские жители в теперешние новые времена. Лучше позволить себе вежливо обмениваться с людьми кивками, приветствиями и репликами о погоде. Я стараюсь в разговорах быть скучной, до грубости, если этого не избежать. Делюсь только самыми необходимыми сведениями с теми, кто захочет достроить за меня невыразительную историю. Так меня могут оставить в относительном покое. Однако я не думала, что встречу в деревенском магазине, куда зашла за кое-какой бакалеей, ту девочку-подростка. Моя немногословность во время нашей прошлой встречи ее явно не отпугнула, она, похоже, была даже рада меня видеть.

— Как изгородь? — осведомилась девушка.

— Понемногу обретает форму, спасибо.

— Вы будете красить стены снаружи? — спросила она. — Я как-то видела похожий домик, светло-голубой, с белыми рамами и синей дверью. Такой сказочный. Было бы супер.

Она смотрела на меня сияющими от своей придумки глазами.

Я задумалась, чем ей так интересен мой дом. Она, как и в прошлый раз, была одна. У нее что, нет друзей? Насколько я знала, девочки-подростки редко ходят поодиночке. Я напомнила себе, что она тоже здесь новенькая, и, возможно, у нее еще не было времени завести друзей.

— Я об этом не думала, — ответила я. — Цвет стен не так уж важен.

После чего продолжила выбирать покупки, надеясь, что на этом все и кончится, но она повлеклась за мной по проходам, как назойливая цветочница.

— А собака у вас есть? У вас отличный сад для собаки, и лес сзади. Мама мне не позволяет завести. Говорит, от шерсти пылесос забьется.

— Нет. Собаки нет.

Я сняла с полки пакет коричневого сахара.

— Ой, я тоже люблю коричневый. Особенно хрустящий. С хлопьями. Вы хлопья любите? Вот они, тут, смотрите. Медовые или кокосовые? Нет, такие худые, как вы, наверное, мюсли едят. Вы мюсли любите?

Широко улыбаясь, она взяла коробку.

Я холодно на нее взглянула.

— Не многовато вопросов? — поинтересовалась я, продвигаясь к прилавку и желая поскорее уйти.

— Вот и мама так говорит. Но, с другой стороны, как я что узнаю, если не буду задавать вопросы?

— Еще один.

— Да, это у меня, наверное, само собой выходит.

Она хихикнула; радостный звук, словно весенний дождь бьет по луже.

Мне сдавило грудь, когда я поняла, что она напоминает мне не меня саму, только моложе, а Маргарет, мою любимую, милую маленькую сестричку. Маргарет, с ее легким шагом и живым смехом. Маргарет, обожавшую меня так же сильно, как я обожала ее. Да, в открытости и невинности этой девочки было что-то схожее с натурой Маргарет. Я кивнула, благодаря хозяйку магазина, протянула деньги. Когда я повернулась к двери, девочка оказалась передо мной; она загораживала дорогу и словно ждала чего-то.

— А ты не должна быть в школе? — спросила я.

— Учитель на курсах. У нас свободный день, занимаемся дома.

— Тогда тебе надо туда, заниматься?

Девочка оказалась достаточно хорошо воспитана, чтобы покраснеть.

— Я пришла за валентинкой, — сказала она. — Только не могу выбрать. Смотрите.

Она показала на открытки, выставленные у прилавка.

— Смешную, секси или романтическую, как думаете?

— Зависит от того, для кого она.

Подросток покраснел еще гуще и уставился себе на ноги.

— Для Майкла Форестера.

— И какой он, Майкл Форестер?

— Отпад. Всем нравится. Особенно девчонкам. Он еще спортсмен отличный. Легкая атлетика, регби, плавание. Всегда побеждает. Такой крутой.

— Судя по всему, это у него достаточно раздуто и без тебя. Я бы не стала тратить деньги.

— Ой нет, он милый. Как-то передо мной дверь придержал. И «привет» сказал.

— И сколько ты уже носишь факел во имя этого идеала?

— Что?.. А, не знаю. Я с ним только месяц назад познакомилась.

Голос у нее упал до шепота, весь ее вид говорил о мучении невзаимной любви. Девочка была довольно хорошенькой, но уверенности в себе ей явно не хватало. И еще кое-чего. Несмотря на всю показную лихость, она казалась немного не от мира сего, что странным образом выглядело симпатичным для взрослого, но среди ровесников должно было стать недостатком. Теперь я поняла, как, наверное, одинока эта девочка. Она не вписывалась. Была чужой. Сейчас, когда она за собой не следила, одиночество исходило от нее болезненными волнами. Звук колокольчика над дверью магазина избавил меня от необходимости и дальше давать советы.

— Доброе утро, миссис Прайс. Теган, как ты, дорогая? Как мама? А, вот и наша загадочная новая соседка, простите, что до сих пор не наведался к вам, поприветствовать в Метрейверсе.

Я обернулась и увидела толстого бородатого мужчину, протянувшего мне руку. Глаза у него светились жизнелюбием, улыбка была широкой и сердечной, но от одного его вида меня застучало в висках. В этом не было его вины. Откуда ему было знать, как на меня подействует присутствие священника? Откуда догадаться, какую ярость пробуждает во мне его церковь? Церковь, которая осудила мою мать и отняла ее у меня. Я глубоко вздохнула, чтобы успокоиться, но от его одеяния все еще исходил слабый запах вина причастия. Рука его по-прежнему была протянута ко мне. Он ждал. Ждала девочка. Ждала за прилавком миссис Прайс. Всего мгновение, но оно определит мое положение в деревне на время, что я тут проживу! Я распрямила плечи и выдавила улыбку, прижимая к себе покупки.

— Прошу прощения, — сказала я, кивая на пакеты.

— О, не волнуйтесь, — он улыбнулся и опустил руку. — Я — Дональд Уильямсон. Меня чаще всего можно найти в доме vicария. Не стесняйтесь, заглядывайте; Мэри будет рада с вами познакомиться.

— Спасибо. Я пока разбираю вещи, но на будущее запомню.

Я стала протискиваться мимо него к выходу, борясь с отвращением, которое вызывала во мне подобная близость представителя его братии.

— В любое время, — пробубнил он. — И надеюсь увидеть вас в воскресенье. В десять. Мы всем рады.

Я захлопнула дверь, чтобы не слышать дальнейших увещаний, и направилась домой. Даже спустя столько времени я, оказывается, едва могла скрыть свои чувства к церковнику. Все основания испытывать подобные эмоции у меня были, но я все равно на себя злилась. Глупо, нужно лучше владеть собой, нелепо пылать яростью по отношению к каждому безвредному священнику, с которым столкнешься. Я еще не перешла деревенский выгон, когда меня вдруг пронзило дурное предчувствие. Как бы ни выбила меня из колеи встреча со священником, я поняла, что это — отдельная угроза. Остановилась. Подняла подбородок и медленно осмотрелась. Ни движения. Ни тени. Ничего необычного. Молчащие домики, покрытые соломой. Тихая улица. Пустая автобусная остановка. Утки, с бодрящей пошлостью кричающие на пруду. Бояться нечего. И все же я испытала немалое облегчение, добравшись до укрытия в коттедже «Ива» и быстро закрыв за собой дверь.

17 февраля 2007 года,

Ясное небо, как раз для первого дня торговли на рынке в Пасбери. Я встала до рассвета, чтобы загрузить машину товаром. Машина эта, с любой возможной точки зрения, вещь неоднозначная. Старый «Моррис Тревеллер», небольшой и дешевый в обслуживании, но с вместительным багажником и удобными задними дверями; в нем легко возить травяные чаи, масла, лосьоны, мыло, соленья-варенья и вино. Однако он требует весьма утомительной бумажной работы. Нельзя иметь машину и в то же время сохранять тайну личности. Раз в несколько десятков лет мне приходится изобретать себя заново, в основном чтобы соответствовать законам о транспорте и дорожном движении. Тем не менее я признаюсь, что испытываю к самому автомобилю определенные теплые чувства. Я редко езжу на дальние расстояния, но без машины торговать на рынке было бы сложно, а этот прилавок для меня — существенный и единственный источник дохода. И, конечно, он позволяет тем, кому я нужна, меня отыскать. Даже в этот просвещенный Век Водолея я не могу повесить на дверь табличку: «Ведьма. Заклинания и зелья на все случаи жизни». Нет. Нужно подстраиваться, приспособливаться и являть внешнему миру... приемлемое лицо. Машина не желала заводиться, но на заклинание отозвалась. Двигатель я оставила включенным, пока заканчивала погрузку и закрепляла дверцы веревкой. Я как раз запирала дом, когда услышала, как машина глохнет. Не думая, я собралась, замерла и повторила заклинание. Помедлив секунду, двигатель снова ожил и радостно запыхтел. Лишь вернувшись к машине, я заметила, что у калитки стоит Теган, и по ее лицу было совершенно ясно, что она наблюдала, как я на расстоянии управляюсь с мотором. Она улыбалась, глаза у нее блестели. Я отодвинула ее и заперла калитку.

— Прости, я спешу, — сказала я.

— Куда вы?

— В Пасбери, и если буду копать, не успею разложить прилавок.

— На рынке? Круто. Можно и мне поехать?

— Что?!

— В Пасбери. С вами. Я бы помогла.

— Спасибо, я замечательно справляюсь сама.

— Да ладно. Вам не надо мне платить. Просто подвезите, а я помогу разгрузиться.

Она кивнула в сторону багажника, потом нагнулась и заглянула в заднее стекло.

— А что там вообще?

Я посмотрела на девочку. Как всегда, слишком легко одета для такой прохладной погоды, и какая-то потерянная, от чего я не могла просто отмахнуться.

— Ты почему не спишь в такую рань? — спросила я.

Она пожалала плечами.

— Мама разбудила, когда с ночной смены пришла. А опять уснуть не вышло. Она вырубилась, как выключатель нажала, — девочка пнула камешек. — Мне не хотелось там сидеть, даже поговорить не с кем.

— Мать не будет волноваться, где ты?

— Нет.

Я вздохнула. Я бы предпочла обойтись без общества болтливого подростка, но отказать было трудно.

— Садись. И не трогай ничего, особенно дверную ручку. Она все время... ну вот! Что я сказала?

— Извините.

— И пристегнись. Меньше всего сейчас нужно, чтобы ко мне привязался какой-нибудь дотошный полицейский.

Городок Пасбери ничем не примечателен, но магазинов и разных услуг в нем хватает. Сам рынок, честно говоря, уныл. Торгует вперемешку дорогой едой, антиквариатом сомнительного происхождения, товарами для домашних животных, фарфором в густой глазури и одеждой со срезанными ярлыками. Я оставила за собой небольшое торговое место, но расположено оно удачно: в устье главной улицы, где проходят почти все покупатели по дороге с автостоянки и автобусной остановки — или к ним. Теган от души поработала, помогая разложиться, она явно не спешила меня покидать. Заинтересовалась товаром настолько, что я быстро утомилась объяснять ей, что к чему. Я вручила ей горсть монет.

— Сходи, купи нам горячего попить, — велела я.

Едва она ушла, молодая женщина с прогулочной коляской остановилась у прилавка и, нахмурившись, склонилась к маслам. От нее веяло таким беспокойством, такой злостью, что я отступила на шаг назад. На скуле у нее, у самой линии волос я заметила лиловое пятно. Она поймала мой взгляд и повернулась, чтобы волосы свесились вперед, но поняла, что я видела синяк. Веки у младенца были красные, но он спал в коляске.

— А для чего это? — спросила женщина, тыкая в пакет с листьями розмарина.

— Помогает при ревматизме. И при болезненных месячных. Листья заваривают как чай.

— Чай? Запах мерзкий. А это для чего?

— Это мазь с алоэ вера. Бальзам от ожогов, укусов насекомых и всякого такого.

Она положила баночку обратно на прилавок. Мне было жаль бедняжку, такую молодую — и так явно несчастную. Я указала на пузырек с маслом бергамота.

— Это очень помогает поднять настроение.

— Ха! Мне для этого лучше рома с колой.

— А это избавляет от негативной энергии.

— Есть что-нибудь, чтобы избавиться от мужей-сволочей, которые изменяют?

Тут я все поняла. Я достала из коробки, стоявшей с моей стороны прилавка, маленький флакон синего стекла. На этикетке было лишь изображение полумесяца.

— Возможно, вам стоит попробовать несколько капель этого. — Я протянула ей флакон, и она подозрительно на него уставилась. — От них человек становится... внимательнее, — пояснила я.

Она рассмеялась, потом взглянула мне в глаза.

— Сколько?

— Сначала проверьте, сработает ли. За следующий можете заплатить, если останетесь довольны.

Мой первый торговый день в Пасбери тянулся медленно, но я уловила кое-какой интерес. Я давно выяснила, что тем, кто впервые сталкивается с моим товаром, часто требуется время, чтобы набраться смелости и купить. Но чего-чего, а времени у меня предостаточно. Теган все утро провела со мной, неохотно согласившись сесть на автобус домой, только когда я настояла. Мне было ни к чему недовольство ее матери, а я знала, что девочка не спросила разрешения уехать из деревни. Я купила ей на завтрак пирог и дала денег на автобус до Метрейверса.

Она говорит, что с радостью будет каждую субботу меня сопровождать. Посмотрим.

24 февраля 2007 года,

Луна в первой четверти

Саженцы остролиста, которые я заказала, сегодня утром доставили, и земля наконец-то достаточно мягка для работы. Я плодотворно трудилась час, засаживая расчищенные прогалы, и довольна тем, что получилось. Я давно смирилась с тем, что могу работать в саду, не загадывая вперед надолго, поскольку знаю, что нигде не могу особенно задержаться. И все же задиристые кустики остролиста, как бы медленно ни росли, уже через несколько месяцев крепко вплетутся в изгородь. И меня утешает сознание того, что они проживут еще долго, когда я двинусь дальше. Остролист — одно из самых сильных защитных растений в саду, мне без него не обойтись. Пусть сам по себе кустарник не обеспечит безопасности, но он составляет мощную часть моего викканского арсенала. Потом я распаковала свой запас травяных саше и развесила сладкие букетики в дверных и оконных проемах.

26 февраля 2007 года,

Луна в первой четверти

Погода сделалась не по сезону мягкой, и цветочные луковицы развили бурную деятельность, о которой им, возможно, придется пожалеть, когда вернется мороз. Я воспользовалась моментом и перекопала огород. Упорный труд, требующийся для того, чтобы превратить такую обширную поляну с кочковатой травой в грядки, поднял настроение. Может быть, я и невероятно древняя, но мне повезло сохранить здоровье и живость ума. Проведя за работой целое утро, я разделась до рубашки, подол моей юбки был в грязи. Земля здесь хорошая — глинистая, вода не застаивается, но уходит не так быстро, чтобы возникали трудности с поливом. Нельзя поддаваться соблазну слишком рано все высадить. Это ложная весна. Занятно: долгому путешествию по этой планете сквозь годы так и не удалось научить старую ведьму терпению. Мама корила меня за его недостаток, и я все так же дергаюсь и раздражаюсь, когда мне приходится ждать дольше, чем кажется разумным.

Я как раз налегала на вилы, когда прямо рядом со мной возникла Теган. Ее внезапное появление испугало, но куда больше меня встревожило то, что я не услышала, как она подошла. Я заметила, что девочка сменила свои нелепые сапоги на кроссовки.

От нее не укрылось, как я вздрогнула.

— Простите. Я звонила в дверь, потом поняла, что вы копаете. Ух ты, вы это все сама? Наверное, вымотались.

Я невольно улыбнулась ее словам.

— Мне по душе время от времени потрудиться, — сказала я. — Ты любишь работать в саду?

Она пожала плечами.

— Я, в общем, никогда не пробовала. Если не считать выращивание кресса на подоконнике в кухне.

— Для начала сойдет, полагаю.

Девочка будто ждала чего-то. У нее, судя по всему, нет ни единого друга, раз она приходит искать общества чужого человека в такой теплый день, когда другие подростки наверняка гогочут где-то компанией. Я протянула ей вилы.

— Давай попробуй.

Она улыбнулась, потом взяла вилы. Бестолково ткнула ими в землю, и на ее лице отразилось удивление от того, — какой незначительный след она оставила. Девочка попыталась еще раз.

— Навались всем весом. Смотри, вот так.

Я наклонилась и переставила ее руки, показывая, как работать всем телом, чтобы загнать зубцы в землю. Теган хихикнула — все тот же непобедимо радостный звук — и сделала, как я показала. Она, как выяснилось, быстро училась и вскоре вошла в ритм, медленно, но неуклонно продвигаясь по дерну.

— Не останавливайся, — велела я и зашла в дом.

Из окна я наблюдала, как она работает. Она быстро устала, но не сдалась. Я налила два стакана горячего фруктового чая и, выйдя, встала на пороге.

— Может, зайдешь, выпьешь теплого напитка?

Второй раз приглашать не потребовалось. Теган последовала за мной в кухню, взяла стакан с чаем и осторожно понюхала пар.

— Что это?

— Фруктовый чай. Шиповник с апельсином. Пей, пока горячий.

Она отхлебнула, улыбнулась и отхлебнула еще.

— Слушайте, клево. Скажу маме, чтобы купила такой.

— Я тебя как-нибудь научу, как его делать, — сказала я, сама удивившись неосмотрительности подобного обещания.

— Это ваша работа? Круто.

Девочка принялась бродить по комнате, изучая мои запасы бутылок и банок.

— Все это вы продаете на рынке... Я не думала, что еще и делаете.

Так мы взялись говорить про масла и благовония, и травяные подушки, и саше, которые я изготавливаю. Я рассказала, что продаю их на рынках, а иногда через магазины. Теган это заворожило, она провела пальцами по ряду бутылочек синего стекла, остановилась понюхать корзину сохнувшей лаванды.

— Крутые, — заключила она. — Вы это будете выращивать в саду?

— Да, кое-какие травы, цветы на масло и, конечно же, овощи.

Она на мгновение задумалась.

— Я не знаю, как вас называть. Вы мне так и не сказали, как вас зовут.

— Можешь называть меня Элизабет. — Я отпила чаю, потом спросила: — Теган — необычное имя, может, корнуэльское?

— Валлийское. Мама однажды на каникулы туда ездила, когда была маленькая. И на нее нашло. Честно говоря, по-моему, это единственное, что ей во мне по-настоящему нравится.

Теган смотрела мне в глаза, и короткая тишина так наполнилась тоской и болью, что мне хотелось обнять девочку, как обняла бы меня мама. Вместо этого я отвернулась сполоснуть над раковиной стакан.

Теган заметила на кухонном столе мой дневник.

— Ой, а это для ваших... рецептов и всякого такого?

Она подошла и взяла книгу.

— Положи, — произнесла я чуть резче, чем намеревалась.

Обида на ее лице так меня взволновала, что я внезапно захотела, чтобы она ушла. Я не привыкла, чтобы у меня дома был кто-то еще.

— Если допила чай, то пора бежать домой. Тебе нечем заняться, но не стоит из-за этого думать, что у всех остальных так же, — сказала я Теган, стараясь не смотреть в ее огорченное лицо.

Когда она ушла, меня охватило раздражающее сожаление. Даже сейчас я не могу понять, было это из-за того, что я пустила ее в дом, или из-за того, что прогнала.

Этим вечером я несколько часов готовила масла. Сделала около десятка флаконов лавандового и столько же — перечной мяты. Работа это легкая и приятная, обычно она занимает меня, мешая задуматься о том, что я никак не могу изменить. Однако сегодня я поняла, что мысли мои блуждают. Я думала о Теган. И о Маргарет. Не могу вспомнить об одной, чтобы вторая тут же не приходила на ум. И как бы я ни старалась держать в памяти лишь счастливый образ любимой сестры, всякий раз, как я ее представляю, кожу ее заливают смертельная бледность, и я не могу этому помешать.

28 февраля 2007 года,

Луна во второй четверти

Оттепель продолжается; временами моросит, но и только. Теган оправилась быстрее, чем я рассчитывала, и снова явилась на следующий день, словно я и не произносила тех резких слов. Она зачастила. Не стану притворяться, что пыталась ее отпугнуть. Пожалуй, ее свежесть и жизнерадостность мне по душе. Она впитывает знания, как кусок хлеба — бульон, в который его обмакнули. Ею владеет неистовое желание учиться, и она помогла мне расчистить заросли колючих кустов в дальнем углу сада. Я выдала ей пару старых резиновых сапог и снабдила толстыми перчатками. Ничто из вещей бедного ребенка не подходит для такой работы. Я спросила ее, почему она не проводит время с новыми школьными друзьями, и она объяснила, что никто из них не живет в деревне, а на автобусе ездить дорого, да и ходят они с перебоями. Я отважилась уточнить, не возражает ли ее мать против того, что она так много времени проводит вне дома; девочке ведь нужно делать домашнее задание? Кажется, ее мама социальный работник, где-то в Пасбери. Рабочий день у нее длинный, смены разные. Она счастлива, что дочка нашла себе занятие. Об отце речь не заходила, о братьях или сестрах тоже.

Признаюсь, я позволила себе расслабиться здесь, в коттедже «Ива». С тех пор как в день встречи с преподобным Уильямсоном я ощутила угрозу, у меня не было ни дурных предчувствий, ни мгновений тревоги. Неужели я нашла безопасный приют? Неужели наконец шагнула туда, где меня не достанут протянутые когти? Мысль эта соблазнительна, и мне невыносимо омрачать ее сомнениями и осторожностью. Когда мы закончили работу, я позвала Теган вместе со мной поставить свечу в выложенный камешками круг посреди

расчищенного участка. Я объяснила, что верю: здесь получится прекрасное священное место. Одно лишь небо знает, как девочка поняла это заявление, но она радостно помогала мне раскладывать камни и выбирать свечу. Когда придет полнолуние, я воскурю масло шалфея и попрошу о длительной защите.

2 марта 2007 года,

Луна входит в созвездие Девы

Проливной дождь, бесконечный ледяной ветер, из-за них работать вне дома стало неприятно. Но я все-таки могу продолжать — с помощью старой зюйдвестки и резиновых сапог. Теган сегодня днем пришла ко мне прямо с остановки школьного автобуса. Едва взглянув на нее, я поняла, что раскраснелась она не только от погоды. Она стояла рядом со мной у шипящего кострища, и глаза у нее полнились слезами. Понуро Теган глядела на дым, но что ее так расстроило, не говорила.

— Трудный день? — спросила я, не желая лезть не в свое дело, но с готовностью предлагая девочке возможность поговорить о том, что ее тревожит.

Она лишь пожала плечами.

— Воздух нынче такой промозглый, — сказала я. — Зря ты без шапки. Держала бы свои неугомонные мозги в тепле.

По ее щекам скатились слезы, капнули с подбородка. Теган даже не попыталась их утереть. Внезапно она стала таким ребенком, совсем не молодой женщиной, а просто грустной девочкой, не знающей, как поделиться болью.

— Подожди тут, — произнесла я.

Зашла в дом и открыла шкаф с припасами. Выбрала маленький синий флакончик с маслом бергамота и вернулась к погасшему костру. Теган, кажется, едва заметила мое отсутствие.

— Держи. Капни несколько капель на подушку, а одну завтра перед школой на сердце.

Она взяла предложенный флакон, на мгновение уставилась на него, нахмурившись, потом подняла глаза на меня. И, наконец, улыбнулась.

— Спасибо, — сказала она. — Это?..

Я не дала ей договорить.

— Ступай, — пробубнила я. — Слишком холодно, чтобы стоять просто так. А у меня дела.

4 марта 2007 года,

Луна в третьей четверти

Винить мне некого, кроме себя самой, из-за чего я только сильнее злюсь. Как можно было быть такой дурой? О чем я думала? Я слышу, как внутренний голос пытается оправдать мой поступок. Это был всего лишь отклик того, кто может помочь, спасти от страданий, но

от этого не лучше. Прекрасная Теган ворвалась нынче днем ко мне в сад с горящими глазами, сияя от радости и изумления. Она запрыгала передо мной, так яростно размахивая под носом синим флаконом, что мне пришлось сказать ей, чтобы прекратила.

— Сработало! — кричала она. — На самом деле сработало. Вы просто офигенная! Как вы это сделали? Скажите, что там было? Что вы еще можете? Я знала, я с самого начала знала, что вы не такая, как все. Было что-то... А любовный приворот вы тоже можете? Можете заставить человека влюбиться, даже если он не хочет?

Я едва слышала остальное. Она так и стрекотала, пока я пыталась понять, что сделала, чтобы вызвать такой восторг. Наконец я подняла руки и твердо произнесла:

— Довольно! Сделай глубокий вдох и скажи медленно и внятно, что стряслось.

— Ну, я сделала все, как вы велели: накапала на подушку, немножко на сердце. Вообще-то довольно много. Вчера и сегодня. Я думала, может, это любовное зелье, что-то, чтобы Майкл обратил на меня внимание.

— Что?!

— Нет, конечно. Теперь понимаю. Но это было даже лучше! Откуда вы знали? Про Сару Я-Вся-Само-Совершенство Говард? Я вам не говорила, что она меня травит. Никогда не рассказывала, что она сделала с моим пальто, что написала на дверце моего шкафчика, и про мерзкую дохлую лягушку у меня в сумке — ведь не рассказывала же? Наверное, могла что-то сказать про то, как она меня дразнит из-за Майкла. Она не одна такая, но она хуже всех. Корова. А остальные за ней повторяют. Но теперь все!

Она снова начала махать флаконом.

Я покачала головой.

— Прости, Теган. Я ни слова не понимаю из того, что ты говоришь. Я дала масло бергамота. Оно помогает ощутить уверенность в себе и укрепить решимость. И все.

Она не обратила на мои слова внимания.

— Воспаление желез! Гениально же, нет?

Она разве что не прыгала от восторга.

— Ее не будет в школе несколько недель, а то и месяцев. Может, до конца четверти и половину лета. Вы даже не знаете, как я молилась, чтобы случилось что-нибудь такое. Но я не думала... а потом появились вы. В ответ на мои молитвы.

Она уставилась на меня самым обожающим и восхищенным взглядом, какой обращался в мою сторону за много десятков лет. Я с усилием заговорила, и во рту у меня странным образом пересохло. Со всем этим надо было разобраться.

— Теган, что, по-твоему, я тебе дала?

— Точно не знаю, просто что-то, чтобы избавиться от Сары Говард. — Она пожала плечами.

— Волшебное зелье?

— Ну да.

— А с чего ты взяла, что у меня может оказаться что-то подобное? — Я наблюдала, как она ищет ответ где-то у себя под ногами. — Теган? — настойчиво произнесла я.

— Как-то глупо звучит, когда говоришь это вслух, ну... потому что вы ведьма, ведь так?

Она и представить не могла, как на меня действовали ее слова. Я на мгновение почувствовала облегчение от того, что Теган не могла заглянуть мне в глаза, потому что тогда увидела бы в них страх. Как она сумела столько подметить, когда я не заметила ничего? Я недооценила девочку, это опасно. Дождь полил сильнее, мы стояли в нескольких шагах и

сотнях лет друг от друга, и капли громко стучали в напряженной тишине. Теган медленно подняла глаза, и я увидела на ее юном лице удивление. Удивление того рода, что встречается только у тех, кто достаточно молод, чтобы ум их был открыт, как море, а сердце жаждало доказательств волшебства. Если бы она только знала, кто стоит рядом с ней.

— Идем в дом, — сказала я, и мы вместе вошли в кухню.

Я велела ей сесть за стол, а сама достала из духовки суп из пастернака. Протянула Теган кружку, она обхватила ее ладонями, не сводя с меня глаз.

— Осторожнее, там жабья лапка, — предупредила я.

Глаза Теган на мгновение расширились, потом она рассмеялась, и напряжение, переполнявшее комнату, улетучилось вместе с паром от бульона.

— Что ты знаешь о ведьмах? — спросила я.

— Ну, что и все. Они варят зелья из трав. Произносят всякие страшные заклинания. Все такое. Я знаю, сейчас их полно, ну, полно тех, кто себя называет ведьмами. Нью-эйдж, вот это все. Но спорю, таких, как вы, немного. Немногие на самом деле что-то могут.

Она подула в кружку.

Я открыла заслонку печи и вбросила еще полено. Мягкие обрезки дерева, оставшиеся после нашей работы на прошлой неделе, были еще сочными, невысохшими, они громко плевались, но давали немало тепла. Я пододвинула стул поближе к огню и жестом велела Теган сделать то же, пока перекладывала под спиной подушки, чтобы было поудобнее.

— Когда мама тебя ждет домой?

— Она не ждет. В смысле, она в ночную. Ее до утра не будет.

Не в первый раз меня поразило, какую одинокую жизнь ведет эта девочка. Жестоко. Не намеренное пренебрежение, но все равно жестоко. Я на мгновение закрыла глаза и изо всех сил постаралась унять бурлящие мысли. Сделать можно было лишь одно из двух. Отрицать, высмеивать, представить все в ином свете, не принимать доводов, а потом решительно отдалиться от Теган. Такой вариант был, конечно же, разумнее, но он меня огорчал, ведь мне пришлось бы основываться на лжи и полуправде. По другому пути, однако, двинуться можно было лишь с осторожностью. Стоит пуститься в это странствие, потребуются размышление, время и внимание, потому что обратной дороги не будет. Где-то в глубине своего существа я ощутила искру волнения, проблеск надежды. Может ли быть, что спустя столько лет, столько долгих лет, я разделю с кем-то свою тайну? Что мне больше не придется скрывать правду? Эта невинная девочка разглядела сквозь мои защитные барьеры то, что не увидел больше никто, и теперь меня переполняло желание дать ей узнать себя, дать понять. И снова вспомнить то, что привело меня сюда. Я открыла глаза.

— Если готова, — сказала я, — я расскажу тебе историю о ведьмах. Историю о волшебстве, любви и утрате. Историю о том, как простое невежество рождает страх и как губителен может оказаться этот страх. Станешь слушать?

— Да, круто! Еще как стану! — Теган энергично закивала.

Я подняла руку.

— В самом деле? Ты действительно сможешь сидеть тихо, молчать и слушать?

Она снова кивнула, на этот раз медленно и осознанно. Я вздохнула; долгий выдох, освобождение.

— Хорошо, — согласилась я. — Давай я расскажу, каково это — быть ведьмой.

Год выдался урожайным. Дожди в начале лета сменились сухим теплом под плодоносным солнцем, и последний покос верхнего луга был лучшим из всех, что видела Бесс. Девушка закатала рукава, темные прядки волос, выбившиеся из-под чепца, свернулись в выемке ее хрупкой шеи, когда она наклонилась. Бурые юбки Бесс мели скошенную траву, подхватывая выпавшие стебельки, пока она собирала охапки сена. Впереди отец девушки, Джон, быстрыми, отточенными движениями взмахивал вилами, глубоко вонзая их в сено, прежде чем бросить его в стог, судя по виду — без всякого усилия. На вершине стога стоял Томас, в свои шестнадцать бывший на год старше Бесс и на голову ее выше, он ловко укладывал сено, придавая ему форму, которая позволит выдержать погоду и устоять в осенние ветра. Томас был одной масти с сестрой и такой же угловатый, этим они удались в мать, Энн, как и серьезностью, которую Томас носил, словно плащ, окутывавший плечи; но практичная манера общаться с миром и сдержанность во всем достались ему от отца.

Бесс остановилась, размяла поясницу, распрямилась, чтобы потянуться и расправить усталые мышцы. Ей нравилось на покосе: радовало сознание того, что завершился еще один цикл сева и роста, что собран хороший урожай, что животные обеспечены кормом, а значит, в грядущие зимние месяцы будет еда и у семьи. Но радость, однако, не мешала ее телу жаловаться на тяжелую работу. Жара утомляла. На мокрой от пота коже запеклась пыль, она горела из-за тысяч семян. В носу и глотке у Бесс неприятно пересохло. Она прикрыла глаза рукой, сощурившись на изгородь с подветренной стороны. Там показались две фигуры. Одна — высокая и тонкая, как сама Бесс, двигалась решительно и сдержанно; другая, — темная, шустрая, сгусток энергии, — прыгала по земле, словно та была слишком горяча для ее маленьких ножек. Бесс улыбнулась. Улыбку эту могла вызвать только ее сестра. Малышка была для семьи источником постоянной радости. Отчасти это объяснялось ее счастливым нравом, тем, какая она была хорошенькая, милым смехом, перед которым никто не мог устоять. Но дело было еще и в тяжелых годах, предшествовавших ее появлению на свет. Бесс и Томас родились быстро, без труда, но их младшим братьям и сестрам не так повезло. У Энн было два выкидыша, а двое младенцев, переживших роды, угасли у нее на руках. Еще одного, румяного мальчика, Бесс помнила: он прожил до двух лет, а потом умер от кори. К тому времени, как появилась Маргарет, семья ожесточилась, готовая к новым потерям и горю, но вскоре стало ясно, что эта малышка ухватится за жизнь обеими руками и проживет в полную силу каждый день, сколько бы их ни было впереди.

— Пришли, — сказала Бесс мужчинам.

Те побросали вилы, не дожидаясь приглашения, поскольку после утренних трудов были более чем готовы поесть.

Маргарет взвизгнула и, подбежав к сестре, бросилась в ее объятия. Бесс подхватила ребенка и кружила, пока обе они не рухнули, потеряв равновесие и хихикая, на усыпанную сеном землю.

— Бесс!

Мамин голос, она делает вид, что сердится.

— Осторожнее.

— Да уж. Хорошо.

Отец отряхнул рубашку огрубевшими руками.

— Кобыла есть не станет, если весь вкус из еды выжать.

Его попытка рассердиться оказалась еще менее успешной.

Вся семья дружно отправилась к ближайшему дубу и устроилась в его приветливой тени.

Энн поставила корзину на землю и начала доставать еду, которую принесла труженикам.

— Мы напекли овсяного печенья, Бесс, смотри.

Маргарет сунула сестре под нос полотняный узелок и дернула за углы, чтобы показать угощение.

Бесс глубоко вдохнула, смакуя запах теплого печенья.

— Ммм! Маргарет, до чего хорошо пахнет.

— Хорошо? — рассмеялся Джон, принимая у Энн кувшин сидра. — Ты что, Бесс, не поймешь, что перед тобой лучшее овсяное печенье в Бэткоме, даже если тебя в него носом ткнуть?

Маргарет подпрыгнула от радости и неуклюже прошлась торжествующим колесом. Бесс смотрела, как пересохшую землю метут юбки и полы рубашки. Печенье на вкус напоминало нынешний день — с его солнечным светом, изобилием и любящими руками. Бесс хотелось, чтобы на дворе всегда стояло это время года, ленивая макушка лета, с ярким солнцем, долгими ясными днями, привольем тепла и обильной еды.

— Почему нельзя, чтобы всегда было лето? — спросила она, ни к кому не обращаясь.

— Глупости, — ответил Томас с полным ртом сыра. — Если бы всегда было лето, не было бы дождей, не было бы времени сеять, пахать, земля бы не отдыхала, не набирала соков. Фермеры бы с толку сбились.

— Ох, Томас, — Бесс легла на спину, закинув руки за голову, закрыла глаза и стала смотреть, как танцует солнечный свет на веках, — обязательно всегда быть таким рассудительным?

— Объевшись рассудительности, еще никто не умирал, — заметил Томас.

Бесс рассмеялась.

— Но и не жил по-настоящему, если ничего больше не ел.

— По-моему, ты хочешь всю жизнь провести ребенком, — сказал Томас, скорее в качестве наблюдения, чем в осуждение.

Бесс открыла глаза и посмотрела на Маргарет, плясавшую на стерне.

— Это же лето нашей жизни. С чего бы мне хотеть из него уйти? Такая свобода. Вся жизнь — возможность. А потом мы вырастаем, и выясняется, что выбора-то и нет. За нас все решено. Кем нам быть. Где селиться. Как жить.

Энн покачала головой.

— Люди по большей части были бы благодарны за дом, место и положение. За уверенность в том, кто они.

— Но не наша Бесс.

Джон помедлил, не спеша отпил сидра и продолжил:

— Наша сестра скорее полетит по воле ветра. — Он засмеялся. — Приключения за холмами или за океаном, но не в Бэткоме. Разве не так, Бесс?

— А что плохого в том, чтобы хотеть заняться чем-то другим? — Глаза девушки загорелись при мысли об этом. — Что-то изменить?

— Осторожнее, Бесс, — произнесла мать. — Такие разговоры могут счесть тщеславием. Скажут, что не по-божески это: хотеть чего-то, кроме того, что Он для тебя избрал.

Бесс вздохнула; ей хотелось, чтобы мама хоть раз позволила ей поделиться своей мечтой, не растоптав ее по суровой земле действительности.

— Смотрите! — Маргарет перестала танцевать и взволнованно указывала на дальний край поля. — Уильям! Бессин Уильям!

Щеки Бесс залились краской.

— Никакой он не «Бессин Уильям», — сказала она, встав, чтобы скрыть неловкость.

— Еще какой! — не унималась Маргарет. — Ты знаешь, что он в тебя влюблен. Все знают.

Она радостно рассмеялась.

Бесс изо всех сил пыталась сохранить суровость, но уголки рта приподнялись в улыбке.

— Никто ничего такого не знает, Маргарет.

Бесс украдкой взглянула туда, куда по-прежнему указывала пальцем сестренка. По узкой тропе между лугом и лесом ехали двое всадников. Уильям, как подобало юноше его рода и достатка, сидел на прекрасном коне цвета осеннего папоротника. Второй мужчина ехал на простом пони, коренастом и неказистом. Они были достаточно далеко, но Бесс ясно различала молодое, но серьезное лицо Уильяма. Сын сэра Джеймса Гулда, местного сквайра и хозяина Бэткомского леса, Уильям часто разъезжал по делам отца, помогая ему управлять поместьем и землями, принадлежавшими Бэтком Холлу, которым его семья владела столько поколений, что не упомнишь. Сейчас Уильям внимательно слушал своего спутника, временами кивая, и лицо у него было серьезным как никогда. Взгляд Бесс скользнул по старшему мужчине. Она знала, кто он; его темную одежду и неподобающе гордую манеру держаться трудно было не узнать. По возрасту он был ближе к отцу Бесс, чем к брату, но еще не стал с виду таким же пожившим, что для человека, ведущего простую сельскую жизнь, было странно. Гидеон Мастерс. Все знали, кто такой Гидеон, но Бесс сомневалась, что нашелся бы кто-то, кто знал мужчину по-настоящему. Он редко появлялся в деревне, не ходил в церковь, не пил эль в трактире, а показываясь в обществе, не был склонен к беседам. Жизнь угольщика и предполагала, что он большую часть времени должен проводить в домике в лесу, но Бесс все же думала, что Мастерс сам выбрал уединенное существование и скорее занялся своим ремеслом ради этого, а не вопреки. В конце концов, не испытывал же Гидеон нужды в жене или семье? Сейчас он, не глядя на землевладельца, то и дело указывал на какой-то участок леса. Потом внезапно обернулся и улыбнулся Уильяму. Даже издали Бесс видела, какая власть в этой улыбке, как она изменила его суровые черты. Как всегда, он показался Бесс странно притягательным. Наблюдая за ним, она вспомнила, как малышами они с Томасом лежали ничком в траве, подперев руками подбородки, и заворуженно смотрели, как кошка грызет живую мышь. Бесс хотелось отвернуться, но она не могла, она с ужасом понимала, что нечто заставляет ее смотреть, как острые кошачьи зубы вонзаются в дергающегося грызуна. С Гидеоном было так же. Она бы предпочла не видеть его подле нежного Уильяма, и все же из двух всадников ее взгляд притягивал именно взрослый мужчина, а не юноша. В этот миг Гидеон, словно почувствовав, что за ним наблюдают, взглянул прямо на Бесс. Между ними простирался широкий луг, но девушка была уверена, что он смотрит ей точно в глаза. Она быстро отвернулась, кусая хлеб. И поняла, что на нее

устремлена еще одна пара глаз. Мать пристально за ней наблюдала.

— С этим человеком лучше дружбы не искать, — вслух, для всех, произнесла Энн.

— Он наособицу держится, — согласился Джон.

— Может, ему одиноко.

Едва выговорив эти слова, Бесс пожалела, что произнесла их. Она понятия не имела, что заставило ее высказать такое соображение.

— Он предпочитает жить один, — сказала мать. — Это не одно и то же.

Дневная работа спорилась, семья сосредоточилась на том, чтобы завершить свой труд. Но когда они собрали инструменты и направились к дому, солнце уже клонилось за деревья. Длинные тени тянулись за ними по участку, остатки полуденного зноя гасли в вечернем воздухе. По дороге домой Бесс отпустила свой слух на волю, чтобы за щебетом щеглов и кружением грачей различить далекие вздохи моря. В ветреный день его можно было услышать сквозь открытую дверь дома, но по нынешнему безветрию и жаре до нее долетало только пыхтение безобидных летних волн. Ей нравилось, что их дом так близко от берега. Из сада море видно не было, но до вершины скалы идти — всего ничего. Бесс решила, что завтра, с утра пораньше, поведет Маргарет на берег, искать ракушки.

Когда они добрались до дома, Маргарет висела на руке Бесс и громко зевала. Домик стоял в низинке, его беленые стены розовели от закатного солнца, соломенная крыша, словно уютно сидящая шляпа, нависала над окнами. Из-за деревянного амбара слышалось звучное мычание коров, с нетерпением ждавших дойки. Томас и Джон достали ведра, а женщины зашли в дом.

Домик был одноэтажным, в нем имелись гостиная, коридор, комната, служившая семье спальней, и сыроварня. Здесь поддерживали прохладу с помощью тяжелых каменных плит, на которых лежало завернутое в муслин масло. На деревянных полках зрели сыры. Возле окна стояла маслобойка, за которой Бесс провела много времени, помогая матери делать блестящие кирпичики масла, которые они по пятницам продавали на бэткомском рынке вместе с хорошо расхोдившимся сыром блювинни. В этом отношении сыроварня была точно такой же, как любая другая на двадцать миль вокруг. Лишь дальняя стена и крепкие полки на ней отличались от общепринятого. Тут с потолка свешивались туго перевязанные пучки трав. Под ними стояли корзины с пахучими полотняными свертками. А на полках в боевом порядке красовались глиняные горшочки и керамические кувшины. В каждом содержалось снадобье, приготовленное Энн, рецепты знала она одна, лишь некоторые в последнее время стали известны Бесс. Здесь было лавандовое масло для лечения шрамов и ожогов; розмарин и мята от кашля и лихорадки; живокость, чтобы сращивать сломанные кости; чай из листьев плодовых деревьев для облегчения родовых мук; чесночный порошок для очистки крови и розовое масло, чтобы возвращать силу мозгу. Горшки меда с пасеки Джона стояли, выпятив брюшки, в ожидании плохо заживавших ран и младенцев, ослабевших после болезни. В этом темном тихом углу ничем не примечательной комнаты жили тайны исцеления и рецепты снадобий, поколениями передававшиеся от матери к дочери.

— Оставь дверь открытой, Бесс, — сказала мама. — Пусть солнце будет с нами, пока можно. Твой отец не покусится нам на свечи, но и без них сейчас хорошо.

Бесс и Маргарет принялись накрывать на стол, пока мать разводила огонь под похлебкой. Им повезло жить так близко к лесу, к тому же их скромный участок окружали большие деревья. Это означало, что топлива им хватало, и навозом от скотины они могли удобрять поле, а не собирать его, сушить и топить им зимой дом. Маргарет принесла

оловянные миски, а Бесс отправилась с кувшином в сыроварню. Она помедлила мгновение, дожидаясь, чтобы глаза привыкли к сумраку. Как ей нравилось в этой комнате! Она подошла к головкам сыра, принюхиваясь к ореховому аромату, рот у нее наполнился слюной при воспоминании о сливочной кислинке куска блювинни, когда ешь его с теплым хлебом. Потом она шагнула в угол и провела пальцем по горшкам, повторяя вслух названия того, что в них лежало, запоминая порядок, в котором все хранилось.

— Розмарин, тимьян, чеснок. Златоцвет, нет... живокость, еще живокость, чай из листьев малины...

Поставив горшок на место, она вынула пробку из бутылки и вдохнула исходившие из нее пары.

— А, сладкий шиповник!

Целительский дар матери неизменно завораживал Бесс. Она сотни раз видела, как мать готовит отвары, мази и настои, и всякий раз это ее поражало. Мудрость матери передала ей ее мать, а до того ее мать собирала травы и растения, чтобы готовить лекарства и снадобья. Бесс не хватало материнского терпения, ей хотелось быть более уравновешенной, чтобы однажды продолжить ее работу. Она знала, что ей многому предстоит научиться, и временами слышала в голосе матери раздражение, когда забывала, какой чай облегчает родовые муки или какое масло давать от глистов.

— Бесс? — позвала мать от очага. — Побыстрее там с сидром.

Девушка поспешно поставила масло на место и занялась чем было велено.

Ужинали они в привычной тишине, разве что Маргарет иногда что-то говорила да потрескивал огонь. Долгие летние вечера были благословением, но они приносили с собой тяжелую работу в поле, и никто из домашних не был настроен на оживленные беседы. Когда убрали со стола, Джон сел к очагу, где горело последнее полено, с трубкой. Томас вышел проверить скотину на ночь. Энн зажгла две свечи и уселась в любимое кресло-качалку возле девочек, которые уже достали из бельевого сундука кружево и коклюшки. Бесс не любила это суетливое занятие и никогда не бывала полностью довольна плодами своих трудов. Маргарет, напротив, от природы была способна к ремеслу кружевницы, ее ловкие пальцы быстро крутили коклюшки туда-сюда, не оставляя ни единой спущенной петли или неровной кромки. Бесс она напоминала крохотного садового паучка, плетущего паутину, на которую по утрам садится роса. Сестренка заметила, что Бесс на нее смотрит, и широко улыбнулась. Они молча обменялись едва заметными кивками, сдавленно хихикнули.

— Ну же, Бесс! — прошептала Маргарет. — Пожалуйста!

Бесс улыбнулась, но покачала головой, взглядом напомнив сестре, как близко сидит мать. Потом попыталась сосредоточиться на кружеве. Тусклый свет свечей заставлял ее щуриться на тонкие нитки, и от усилий у нее начал болеть лоб. В ней понемногу росло раздражение. Зачем губить себе зрение и испытывать терпение утомительной работой? Где написано, что она, Бесс, должна столько часов проводить за таким изматывающим трудом просто ради того, чтобы положить в семейный кошель пару монет? Мысль о какой-то состоятельной леди — без сомнения, тратившей время на куда более интересные занятия, — которая украсит себя творениями Маргарет, затянула в голове Бесс еще один узел злости. На мгновение она упустила поводья, обуздывавшие гнев, и он вырвался на волю невидимым шаром чистой энергии. Свечи на столе тут же заплелись. Потом, подпитываясь жирным топливом ненависти, пламя подросло, быстро потянулось вверх, разгораясь все ярче. Энн ахнула и вскочила на ноги. Маргарет взвизгнула от восторга.

— Да, Бесс! — выкрикнула она, хлопая в ладоши. — Да!

Комнату залил свет, точно зажгли сотню свечей. Пламя возвышалось над столом, угрожая добраться до потолка. Джон подскочил и готов был залить огонь своим сидром, но тут свечи внезапно погасли. В темноте Бесс не могла различить лицо матери, но была уверена, что слышала, как та щелкнула пальцами за мгновение до того, как пламя потухло. В воздухе тяжело висел сальный запах тлеющих фитилей. Джон запалил от очага лучину и снова зажег свечи. Лицо у Энн было суровым.

— Работа не ждет, девочки, — произнесла она.

Громкий стук в дверь так напугал Бесс, что она уронила кружево, которое сжимала в руках.

Джон впустил раскрасневшегося мальчика лет двенадцати. Он почти упал через порог, тяжело дыша.

— Это же малец Билла Проссера, — сказал Джон. — Присядь, парень. Что за черт тебя гнал?

— Наша Сара, — выпалил мальчик. — Ребенок...

Он поднял на Энн полные слез глаза.

— Вы придете, миссис? Придете?

— Разве за твоей сестрой ходит не старая Мэри?

— Старая Мэри меня к вам и прислала, миссис. Сказала, чтобы я вам передал, что ей нужна ваша помощь.

Бесс встала. Она заметила, как родители встревоженно переглянулись. Энн много раз помогала принимать роды, и все знали, как бережно она действует, но старая Мэри научила ее почти всему, что умела сама. Старуха, несомненно, была лучшей повитухой в Бэткоме. Если ей нужна была помощь, значит, дело и в самом деле плохо.

Энн поспешила в сыроварню и вернулась со своей сумкой. Взяла шерстяную шаль и протянула такую же Бесс.

— Идем со мной, — велела она и, почти вытолкнув мальчика обратно за порог, потащила его по дорожке.

— Скорее, Бесс! — крикнула она через плечо.

Девушка встряхнулась, пришла в себя и побежала следом.

Дом Проссеров, крепкий, с деревянными балками, стоял в конце главной улицы. Билл Проссер был торговцем и, в отличие от Джона, жил в собственном доме. Он не был ни огромным, ни роскошным, но бросавшиеся в глаза стоимость и качество материалов выдавали в нем жилище человека с достатком. В Бэткоме в последнее время и в самом деле появилось несколько таких жителей: торговцев, которые увидели в меняющихся временах возможность разбогатеть и улучшить свое положение. Многие из них, в том числе Проссер, добились такого успеха, что обзавелись не только деньгами, но и репутацией. В новом мире они считались не просто расчетливыми людьми, немногим лучше рыночных торгашей, просто продававших свои товары с большим размахом; теперь в них видели коммерсантов, людей сметливых, тех, кому предстоит сыграть важную роль в жизни, рождающейся из темных веков. Мистрис^[3] Проссер полагала, что ее благополучие — целиком и полностью ее заслуга, поскольку она выбрала мужа за его выдающиеся качества и рассудительность, была ему хорошей женой, родила троих сыновей и трех дочерей (чудесным образом все они были до сих пор живы) и получила в награду благосостояние и положение в обществе, превосходившее все ее мечты. Она гордилась тем, что обставила дом лучшими и

наимоднейшими вещами, вместе с тем, разумеется, не нарушая благочестивой умеренности. Осуществить это было непросто, тем более что товары ее мужа прибывали с дальних берегов: изысканнейшие вышивки, тончайшее полотно, прекраснейшее венецианское стекло и испанское серебро. Итог вышел поразительный, хотя несколько и посягающий на умеренность. Билл Проссер гордился своими достижениями и с радостью позволял жене украшать дом свидетельствами успеха. Еще большую радость ему доставляло то, что все его дочери удачно вышли замуж. И он, и мистрис Проссер прекрасно знали, что их зятя еще несколько лет назад были бы девочкам не по зубам. Но богатство укорачивает память света. Однако болезни и несчастью светские рамки нипочем. Как и крайне опасному делу деторождения.

Картина, которую застала Бесс в спальне молодой Сары, кричала о смятении и боли. Молодая женщина и года еще не пробыла замужем, когда вернулась в отцовский дом рожать. Мужчины с суровыми бледными лицами сидели в кухне, пока женщины суетились возле испуганной роженицы. Ее мать, старшая сестра и по крайней мере две тетки толкались у кровати. Сара казалась совсем ребенком, ее влажные волосы путались на подушке, лицо горело и блестело, тело словно сковало из-за раздутого живота. Комнату освещала лишь маленькая лампа и свеча, воздух был смраден и горяч. Бесс, когда за ней закрыли дверь, зажала рот рукой. Энн быстро прошла к окну и распахнула его.

— Ах! — воскликнула мать Сары. — Моя дочь застудится от ночного воздуха в таком-то ослабленном состоянии!

— Ваша дочь упадет в обморок, когда ей нечем станет дышать в такой душной комнате, где столько народу.

Женщина постарше хотела и дальше возражать, но Энн ее остановила.

— Я пришла помочь, мистрис Проссер. Позвольте мне это сделать.

Как ни старалась старая Мэри, роды свелись лишь к часам боли, потуг и крови, а ребенок так и не появился. Сара лежала, широко распахнув глаза, сжимала руку матери, и на ее вспотевшем лице мешались усталость и страх. Сестра Сары бестолково промокала ее лоб влажной тряпкой.

Мэри отвела Энн в угол и стала тихо с ней говорить, временами вынужденно повышая голос из-за жалобных криков Сары.

— Благослови тебя Бог, что пришла так скоро, Энн. Все идет скверно. Бедное дитя уже выдохлось, а признаков того, что младенец выходит, нет.

Энн кивала, склонившись к старухе. Бесс подумала, что Мэри и сама, похоже, валится с ног. Что, по ее мнению, могла сделать для бедной девушки Энн — кроме того, что уже сотворила Мэри? Бесс следила за тем, как две женщины еще пару мгновений совещались, а потом ее мать подошла к кровати и положила руки на живот Сары.

— Тише, дитя, не бойся.

— Ох, миссис Хоксмит! — Сара ухватилась за Энн липкой рукой. — Младенец точно умрет, и я с ним!

— Нет, нет. Все так, как сказала Мэри. Твой младенец неловко лежит, вот и все. Надо его развернуть, чтобы он нашел дорогу наружу.

Она едва договорила, когда по телу Сары прошла мощная судорога. Девушка издала крик, сорвавшийся на визг, а потом перешедший в душераздирающий стон. Энн снова положила руки на живот Сары, бережно, но твердо пытаясь направить младенца, чтобы тот поменял положение. На мгновение показалось, что у нее может получиться, но потом, когда

ребенок вроде бы уже был готов появиться на свет, он снова развернулся не туда. Энн не оставляла надежд. Трижды она почти справилась, но всякий раз младенец в последнюю минуту выворачивался. Энн выпрямилась, когда Сару настигла новая схватка. Бесс изумленно смотрела, как все ее тело вздымается, словно в него вселилась невидимая сила. Сила, которая должна была помочь нерожденному ребенку появиться на свет, но вместо этого, похоже, лишь приближала его смерть.

Энн тихо обратилась к Мэри:

— Ты пробовала развернуть его изнутри?

— Пробовала, — кивнула Мэри, — но она такая худышка. Мои скрюченные руки не пролезают.

Обе женщины взглянули на изогнутые подагрические пальцы Мэри, потом на руки Энн — ровные, но широкие. Тогда мать повернулась к Бесс.

— Покажи руки.

— Что?!

— Быстрее, Бесс, покажи.

Девушка сделала, как велела мать. Энн и Мэри пристально осмотрели ее руки. Потом переглянулись и посмотрели ей прямо в глаза. Энн подняла ее руки и, сжав их, заговорила:

— Бесс, слушай меня. Делай, что скажу, точь-в-точь, ни больше ни меньше. Двигайся бережно, но твердо.

— Ты что, хочешь... но я же не могу, мама, я не смогу!

— Ты должна! Только у тебя получится. Если не возьмешься, и мать, и дитя умрут нынче ночью. Ты меня слышишь?

Бесс открыла рот, собираясь и дальше спорить, но не смогла найти слов. Она принимала телят, помогая отцу, который давно оценил пользу от ее маленьких ручек. Была вместе с ним, когда ягнились овцы. Она даже сидела в комнате, когда родилась Маргарет, хотя мало что помнила, кроме решительного лица матери. Сейчас она видела на нем то же сосредоточенное выражение и понимала, что не в ее власти его изменить. Она ни о чем не успела подумать, когда мать велела принести таз горячей воды и вымыть руки. Энн вытерла их чистым полотном, потом натерла лавандовым маслом. Все это время мистрис Проссер и присутствовавшие женщины брезгливо смотрели на непривычные ухищрения. Энн подвела Бесс к кровати, потом встала сбоку от Сары и снова положила руки на ее живот. Кивнула дочери.

Бесс взглянула на распростертую перед ней молодую женщину. Ее грудь вздымалась от родовых потуг и боли. Щеки залила тревожная бледность. Она умоляюще смотрела на Бесс. Девушка склонилась вперед и медленно ввела пальцы правой руки внутрь Сары.

— Что чувствуешь, Бесс? — спросила Энн.

— Не пойму... это не голова, не руки-ноги. — Она взглянула на мать, сдвинув брови, пытаясь представить, как мог улечься ребенок в материнской утробе. — По-моему... да, я чувствую спинку младенца, а вот его плечо.

Старая Мэри тихо выругалась.

— Как я и боялась, лежит наискось.

Мистрис Проссер заплакала.

Энн не сводила глаз с Бесс.

— Найди верхний край плеча. Перебери пальцами поверх кости. Я тебе помогу снаружи, а ты должна развернуть младенца, чтобы его голова смотрела вниз.

— Места нет. Не могу ухватиться...

— Должна!

Бесс шарила кончиками пальцев, пробираясь к основанию шеи нерожденного ребенка, а потом поверх его крохотного плечика. Потянула, сперва легко, потом с усилием.

— Не идет.

Старая Мэри шагнула вперед, чтобы шепнуть Энн на ухо, но ее слова слышали все.

— У меня с собой крючья.

— Нет! — Энн была непреклонна. — До тех пор пока младенец жив, нет.

Она снова повернулась к Бесс.

— Попытайся еще, — сказала она.

Бесс делала что велели, но боялась, что ее усилия ни к чему не приведут. Скользкий младенец, казалось, накрепко застрял в этом невыносимом положении. У Бесс перед глазами встала жуткая картина. Она с пугающей ясностью вспомнила, как у отца не получилось принять особенно крупного теленка. Пробившись много часов, он сдался и послал Бесс в сыроварню за проволокой для резки сыра. Проволокой, медленными и решительными движениями, он разрезал теленка на куски, чтобы вынуть его и спасти корову. Никто не мог бы сказать, был ли тот уже мертв, когда отец принялся его резать. Бесс и сейчас видела жалкие ножки с копытцами, лежащие в кровавом месиве возле матери теленка. Сама корова умерла на следующий день. Бесс моргнула, чтобы прогнать видение. Надо сохранять спокойствие. Надо проявить упорство. Если она отступит, Саре это будет стоить жизни. Бесс удвоила усилия, запретив себе думать о том, что может навредить младенцу: тот должен выйти. Наконец она почувствовала, что он слегка изменил положение. Энн это тоже заметила.

— Не давай ему вывернуться обратно, — сказала она.

Бесс подвинула плечо младенца в сторону и ощутила, как его голова пошла вниз, к родовым путям. В этот миг тело Сары изогнулось от мощной схватки. Она уже слишком ослабела, чтобы кричать, и вместо этого издала жутковатый вой.

Старая Мэри шагнула ближе.

— Ступай вниз, детка! Не подведи. Тужься!

Последним, чудовищным усилием, взяв силы в том неведомом, что таится внутри каждой матери, роженица закричала и стала тужиться.

Бесс ахнула, когда ее руку и младенца вытолкнуло наружу. Все случилось с такой скоростью, что она едва успела схватить младенца, когда тот скользнул на пропитанные кровью простыни.

— Смотрите! — воскликнула Бесс. — Вышел! Мальчик!

Энн осмотрела младенца, который громко возражал, к облегчению всех собравшихся.

— Хвала Господу! — обрадовалась мистрис Проссер, поднося руку дочери к губам.

Старая Мэри улыбнулась беззубым ртом.

— Господу и нашей малышке Бесс, — сказала она. — Умница вся в Энн.

Девушка смотрела, как ребенка заворачивают в теплые пеленки и дают матери. Сара поцеловала новорожденного в макушку, ее лицо переменилось, с него сошла тень смерти, сменившись теплой радостью жизни. Она взглянула на Бесс.

— Спасибо, милая, — прошептала она.

— Мне не нужно другой благодарности, только бы видеть, что ты и ребенок живы и здоровы.

— Я никогда не забуду, что ты для нас сделала, — произнесла Сара, прежде чем закрыть глаза.

Бесс ощутила, как мать взяла ее за руку.

— Идем, дочка. Пусть отдыхает.

— Я боялась, у меня не получится, — призналась Бесс.

Ее мать улыбнулась. Улыбнись так кто другой, сказали бы, что это улыбка гордости.

— Ты справилась, дитя мое, — сказала Энн дочери. — Ты молодец.

2

Неделю спустя, утром, едва рассвело достаточно, чтобы видно было, куда идешь, Бесс взяла корзину и отправилась в лес собирать мох и лишайник для материнских лекарственных снадобий. Ранний утренний свет не давал теней, он смягчил очертания деревьев и камней, так что мир казался нежнее и уступчивее. Дойдя до края луга, Бесс остановилась. Она любила лес, и все же ей всегда казалось, что, вступая в его ветвистые объятия, она входит в другой мир. Здесь все было тайным и скрытым. Среди перепуганных корней и зеленеющего подлеска жили самые разные чудеса. Деревья создавали непостижимое и таинственное обиталище для робких и мифических созданий. Лес был местом для фей, эльфов и дриад. Местом, где жило волшебство.

Углубляясь все дальше в чащу, Бесс поняла, что ступает осторожно. Она не боялась, даже не тревожилась; скорее чувствовала, что должна выказать уважение, почтение лесным божествам, в чьи кладовые вторгалась. Она остановилась ободрать толстый, как волчья шкура, мох с затененного камня. Бережно уложила его на дно корзины и пошла дальше. На терновнике обильно рос серебристый лишайник. Она отламывала с нижних ветвей хрупкие рожки, пока не набрала достаточно. Узкий ручеек создавал прекрасные условия для влаголюбивых мхов, которые хорошо заживляют открытые раны. Бесс как раз пробиралась по камешкам через поток воды, когда услышала, вернее, почувствовала что-то неладное. Словно не звук достиг ее ушей, но изменился сам воздух вокруг. Прошла едва уловимая волна. Бесс вскинула голову и прислушалась, потом медленно двинулась в направлении того, что ее так удивило, чем бы оно ни было. Через несколько шагов она и в самом деле различила звуки. Рычание и оханье, звериные, грубые. Теперь она ясно слышала вздохи и стоны. Движение впереди заставило ее остановиться. Она отвела в сторону завесу плюща, заслонявшую вид. То, что ей открылось, заставило ее содрогнуться.

Две фигуры, одна в темных одеждах, высокая и мощная, вторая женская, — нет, девичья, — почти обнаженная, если не считать нескольких белоснежных лоскутков от разорванной сорочки. Девушка была прижата к ясеню, мужчина стоял к Бесс спиной. Она не смела шевельнуться, боясь, что они поймут, что за ними наблюдают, но вместе с тем понимала, что пара слишком увлечена друг другом, чтобы ее можно было отвлечь. Бесс уже собиралась отвернуться и тихонько скользнуть обратно в чащу, когда нечто привлекло ее внимание. Потертая веревка. Девушка была привязана к дереву. Присмотревшись, Бесс поняла, что девушка стонет не от упоения, а от боли. Она не наслаждалась вниманием пылкого любовника, ее насиловали. Бесс открыла рот, чтобы закричать, но одумалась. Нужно было сделать что-то, чтобы спасти бедную молодую женщину, но человек, способный на такое, не отдал бы свою добычу так легко. У Бесс не было оружия, чтобы защититься или

пригрозить ему. Она огляделась в поисках толстой палки или тяжелого камня. В этот миг она услышала крики из глубины леса, с запада. Мужчина их тоже услышал и обернулся посмотреть через плечо. Бесс ясно видела его лицо; без сомнения, то были суровые черты Гидеона Мастерса. Черты, искаженные звериной похотью. И нечеловечески красные от ярости глаза. Девушка различила голоса тех, кто мог ее спасти, и закричала, призывая на помощь. Гидеон отступил. Пальцем поднял подбородок девушки, обращая ее лицо к себе. Глядя ей в глаза, он быстро зашевелил губами, словно произносил какую-то молитву или заклинание. Веки жертвы отяжелели, и она повалилась вперед, повиснув на веревке. Гидеон шагнул на тропу, ведущую на восток, но потом остановился. Резко развернувшись, он прищурился в сторону Бесс, разглядывая подлесок. Но та уже упала на землю. Она слышала, как он побежал через лес. Оставшись на месте, Бесс смотрела сквозь листву, дожидаясь, когда несчастную найдут. В появившихся людях она признала семью цыган, которые проходили через деревню несколько дней назад. Мать бросилась к дочери и прижалась к ней с громким плачем. Отец бесновался, ругаясь на неведомом Бесс языке и потрясая кулаком в небеса, потом отвязал дочь и понес ее прочь на руках. Бесс бросила корзину и крадучись двинулась в ту сторону, откуда пришла, не смея остановиться или побежать, пока не уверилась, что ее не увидят, что ушла достаточно далеко от места, где случилось страшное, навеки запечатлевшееся в ее мозгу. Она почти вышла на опушку, когда перед ней вырос Гидеон, преградив путь. Бесс инстинктивно отшатнулась от него, но потом гнев придал ей смелости. Она не даст ему увидеть свой страх.

— Надо же, юная Бесс Хоксмит. Я так и думал, что видел тебя.

— Дайте мне пройти.

— Сколько ты тут прячешься, а? Сколько подглядываешь?

— Я собирала мох и лишайник.

— Неужели? Что-то я их не вижу.

Бесс выругала себя за то, что бросила корзину, как напуганный ребенок. Гидеон шагнул ближе. От его тела исходило ясно осязаемое тепло и землистый запах. Бесс отвернулась. Когда он снова заговорил, она почувствовала, как он дышит ей в ухо.

— Девушка была не так уж против, как ты думаешь, — прошептал он.

Бесс развернулась к нему лицом.

— Думаю, она не сама привязала себя к дереву.

— Может, она меня попросила.

— Или вы ее заставили силой.

— Что же это за сила? Ты что, видела отметины на ее налитом страстью молодом теле?

Хоть один синяк или след жестокого обращения?

— Я знаю, что видела. Знаю, что вы сделали.

Гидеон улыбнулся.

— Осторожнее, Бесс. Твой язык тебя однажды доведет до беды. Ты что, собираешься бежать домой и рассказать, что видела? Думаешь, тебе поверят?

— Я буду свидетелем девушки-цыганки, если она попросит.

— А, ну тогда вопрос закрыт. Поскольку она ничего не вспомнит о своем... опыте. Я об этом позаботился.

Он пальцем поднял лицо Бесс под подбородок, так же, как ту девушку. Бесс хотела отвернуться, но поняла, что ее взгляд прикован к его глазам. Она сжала зубы, сопротивляясь странному кружению, начавшемуся в уме. Голос Гидеона доходил до нее, как сквозь

ноябрьский туман.

— Большинство уступает без борьбы. На некоторые умы легко влиять, они спокойно подчиняются сильной воле. А на другие, как твой, труднее.

Он опустил руку.

Бесс оттолкнула его и бросилась прочь, склонив голову.

— Бесс, — тихо позвал он, — не уходи, не забрав свое.

Вопреки себе девушка остановилась, оглянулась и вздрогнула. Гидеон держал ее корзину, наполненную до краев зеленой мхом и нежнейшими лишайниками.

— Моя корзинка! Но как?..

Она не смогла задать вопрос, потому что знала: разумного ответа не будет. Вместо этого Бесс ухватила за плетеную ручку и пошла к дому, убегая прочь от Гидеона, мягко напевавшего «Зеленые рукава», мелодию, слишком красивую, чтобы вынести, что исходит она от такой темной и страшной души.

По правде говоря, деревня Бэтком была достаточно велика, чтобы считаться городом, но память у населявших ее семей оказалась слишком долгой, поэтому Бэтком по-прежнему упорно называли деревней. И для деревни там хватало лавок и прочих затей. Пивных было более чем достаточно, даже чтобы утолить жажду во время жатвы. Имелись два мясника, пекарь с множеством постоянных покупателей. Стояли кузница и портняжная мастерская. Все эти заведения располагались по обеим сторонам главной улицы, на которой разместился еженедельно открывавшийся рынок, где своим товаром торговали все и каждый. На первом его этаже заседали магистратский суд и городской совет, на верхнем хранились городские записи и государственные бумаги, а весь подвал занимала тюрьма. С разрастанием Бэткома постройки его попали под влияние моды и разных причуд, оттого архитектурный стиль лишился единства и последовательности, а фасады домов сделались весьма разнообразными. Были здесь и каменные дома, частью беленые, частью из простого бурого песчаника. Стояли особняки из теплого кирпича, а также глинобитные домишки на бревенчатом каркасе. Рядом возвышались вплотную друг к другу здания, с превеликим трудом вытесанные из твердого камня. Кровли покрывали солома и тростник, а кое-где — каменная черепица.

Дома наличествовали на любой вкус, все новшества были испробованы. И все же в целом от Бэткома оставалось впечатление некоторого небрежения и распада. Каждая постройка была словно отдельным жилищем, оказавшимся рядом с другими лишь по воле случая, а не по задумке общины.

Можно сказать, что в Бэткоме отражалось минувшее бурное столетие. Ветра политических перемен клонили его во все стороны, и за сто лет деревня и ее население поняли, что вернейший способ выжить — подстраиваться и быть гибкими. И памятником податливости их натуры служили развалины монастыря к западу от деревни. Словно и не было столетий мирного сосуществования церкви и богобоязненных местных жителей. Словно никогда они не трудились в монастырских садах, не получали работу, помогая монахам во время жатвы, не отдавали ежегодно нескольких мальчиков в учение каменщикам на строительстве величественного дома слуг Божьих, не протягивали руки за милостыней во времена нужды и бедствий. Когда Генрих VIII рассорился с Римом и монастыри разграбили, Бэтком отвернулся от них, ни один деревенский житель не поднял вилы от возмущения. Место, где веками жили и молились монахи, разорили, разграбили и осквернили, оставив

кучу камней.

Скромная церковь на южном конце главной улицы, напротив, процветала. Она была без затей выстроена из простого камня, окна ее большей частью украшены не были. Только в одном светился богатый витраж, изображавший воскрешение Лазаря. Церковь стала средоточием жизни и, разумеется, местом поклонения Богу. Один за другим осмотрительные церковные старосты изжили любые приметы папизма или неприкрытого богатства, оставив пустое, сдержанное помещение, отвечавшее желаниям сперва одного монарха, потом другого и зловеще говорившее о спартанских вкусах грядущих лет. Прихожане тихо проскальзывали на свои места на скамьях без подушек и считали за счастье, что их не вверили попечению кого-нибудь из более радикальных проповедников, бродивших по Уэссексу в поисках отзывчивых ушей для пуританской веры. Приходским священником, к тому времени утвердившимся во главе церковных и мирских дел, служил в Бэткоме достопочтенный Эдмунд Бердок, шириной в ладонь, тщедушный, с тихим голосом — но не стоило обманываться, воля у него была стальная.

Бесс нравилось на воскресных службах. Обирав скотину и завершив дела по дому, женщины семейства Хоксмит, как и все женщины в округе, облачались в новые платья, если такие у них водились, надевали свежие воротнички, манжеты и фартуки, если нарядов поновее не было, крепили чепцы и отправлялись в церковь. Если день выдавался погожий, шли пешком; если нет, Джон уговаривал кобылу встать в оглобли возка, и они ехали в деревню.

В тот день солнце быстро поднималось в ясном небе, и семейство счастливо шагало по сухой дороге в Бэтком, радуясь грядущему общению с людьми. Для Бесс то была единственная на неделе возможность посмотреть на деревенских жителей и послушать местные сплетни. Мать беседовала с ней о бедах, проистекающих из подслушивания, но было что-то непреодолимо привлекательное в обрывках разговоров, в быстро мелькавших перед глазами чужих жизнях. Жизнях, в которых, казалось, было куда больше разнообразия и веселья, чем в ее. Как ни любила Бесс свою семью, ей втайне хотелось чего-то большего. Что бы это могло быть, она понятия не имела, но была уверена, что оно где-то есть, если бы только понять, как его отыскать! Пока же она довольствовалась тем, что могла почерпнуть из материнского ремесла и подпитывала стремление к приключениям крохами чужой жизни. Богослужебный обряд ее не интересовал. Она смутно помнила часы, когда во время пения гимнов играли музыканты и на стенах церкви мерцали поразительные хоругви и гобелены. Теперь, однако, все было куда безрадостнее. Церковь ничем не была украшена, если не считать цвета, привнесенного паствой, хотя даже женские платья неуловимо изменились, следуя нынешним требованиям умеренности и простоты. Бесс считала это большим огорчением. Священник, истинное воплощение сдержанности и смирения, с кафедры призывал паству жить жизнью божеской в безбожном мире. Бесс желала принять Господа и изо всех сил старалась вести себя, как — согласно тому, чему ее учили, — Ему угодно. Она завидовала истинно верующим. Видела, как сияют их лица, когда они молятся или поют, сидя на скамьях. Смотрела, как они кивают и улыбаются, когда проповедник напоминает о милости Господа и Его любви. Бесс никогда бы не осмелилась высказать свои мысли ни одной живой душе, но она не замечала проявлений всей этой любви. Где их искать? Не в бедности и голоде, которые ждали бы всех, если посева погибнут и урожай будет плох. Не в жестокой поступи болезни, шедшей по следам семей и крушившей под своей пятой слабых и старых. Не в муках родов и не в горе от потери детей.

Подхватив завершающий гимн, Бесс почувствовала, как Маргарет толкает ее локтем. Она опустила взгляд и увидела, как сестренка улыбается и кивает в сторону скамьи напротив. Бесс подняла глаза — и встретила взглядом со светло-серыми глазами Уильяма Гулда. Увидела, как густо он покраснел: почти так же густо, как она сама. Бесс потупилась, а потом снова медленно подняла глаза. Теперь Уильям ей улыбался, даже не делая вид, что поет. Бесс подчеркнуто задрала нос и запела с убежденностью, которой и близко не ощущала. Она сознавала, что Уильям не сводит с нее глаз.

Когда служба завершилась, богобоязненные прихожане медленно потянулись к дверям. Маргарет не смогла удержаться.

— Мам, ты видела? Уильям здесь. Он, наверное, пришел только затем, чтобы взглянуть на нашу Бесс.

— Тише, Маргарет!

Энн взяла дочь за руку.

— Затем, затем! — настаивала малышка. — Иначе с чего ему идти в нашу простую церквушку, а не к себе в красивую часовню?

Бесс поймала суровый взгляд матери, но обе они знали: правда в том, что говорит Маргарет, была. Гулды молились в часовне Бэтком Холла с тех пор, как этот огромный дом выстроили.

Энн нашла другое объяснение.

— Преподобный Бердок славится замечательными проповедями, — заверила она. — Возможно, что ученому молодому человеку интересно, что скажет преподобный.

Мать потянула Маргарет к двери.

Следом Джон предложил Бесс руку и улыбнулся.

— Может, и так, — произнес он, лукаво подняв брови, — а может, Маргарет правду говорит. Бьюсь об заклад, нет у них в часовне ничего такого красивого, как то, что видно со скамьи напротив нашей дочери.

Бесс сделала вид, что ей все равно, но ей нравилось думать, что Уильям к ней равнодушен. Да и какой девушке не понравилось бы? Он, конечно, тихоня, держится скромно и ничем таким не блещет, но добрый и ласковый. И Бесс не забывала, что он богат и знатен. Слишком знатен для таких, как она, часто говорила ее мать. Заявление это делало юношу лишь интереснее — интереснее, чем он мог бы показаться.

Выйдя из церкви, Маргарет принялась носиться, найдя себе товарищей для игры, пока ее родители беседовали с Проссерами. Томасу быстро наскучили чужие дела, и он прислонился к тенистому тису. Бесс заметила Сару, которая хвасталась младенцем, уже почти месячным, и ощутила прилив гордости. Радостно было видеть мать и дитя счастливыми и здоровыми и знать, что ты причастна к их благополучию. Бесс прошлась по двору церкви, наострив уши. В хвосте уходящего лета все еще сохранялись какое-то тепло и веселый свет, поэтому все кругом было ярким и цветным, приятная перемена после убогой церкви. На западном краю двора цвела, свешиваясь через стену, поздняя жимолость, склонившая сливочные лепестки на блестящие листья шедшего понизу плюща. На улице даже сдержанные ткани женских платьев выглядели прелестно. Мимо промчалась девочка в голубом, как барвинок, платье, за ней бежал мальчик в дублете цвета давленной вишни. Бесс поравнялась с вдовой Дигби и вдовой Смит, двумя надежными источниками деревенских сплетен.

— Говорят, нашли его на главной улице: бежал в одной шляпе и башмаках с

серебряными пряжками! — громким шепотом отчеканила вдова Смит.

— Стыдобище! Бедная его жена, каково ей с таким. А сам-то сын викария.

— А чего еще ждать. Сколько в магистрат жаловались на пиво в «Приюте скрипача», а ничего не делается, сестра, ничего. О, доброе утро, Бесс.

Что бы ни собиралась еще поведать друг другу эти женщины, Бесс теперь этого было не узнать. Она мысленно отчитала себя за то, что подошла слишком близко до того, как услышала, кто этот несчастный в башмаках с серебряными пряжками.

— Доброе утро, вдова Смит, вдова Дигби. Какой нынче славный денек, правда?

Вдова Смит надулась, увеличив свой и без того внушительный бюст до угрожающих размеров.

— Денек? День отдохновения, дитя. Последи за языком.

— Неужели Господа это обидит? — спросила Бесс.

— Может, — остерегла вдова Дигби. — Если Он сочтет, что в твоей милой головке одно легкомыслие.

— Вместо мыслей о Нем, которые тебя должны заботить в такой день, — согласилась вдова Смит.

— Честное слово, сударыни, стоит мне лишь взглянуть в синее небо, я думаю о Господе нашем, — сказала Бесс с обезоруживающей улыбкой, прежде чем отвернуться и быстро пойти прочь.

Она брела вдоль церковного двора, пока не дошла до входа на кладбище. Там стоял преподобный Бердок с церковным старостой Эймосом Уоттсом. Бесс хотела пройти мимо них, но замешкалась, услышав, о чем они беседуют.

— Я должен сообщить, — говорил церковный староста. — Дольше воздерживаться от этого нельзя.

Преподобный Бердок печально кивнул.

— Разумеется, должны. Бдительность — наш долг. Я надеялся, что после нашей краткой беседы с ним на рынке в прошлый вторник... но нет, похоже, Гидеон Мастерс твердо решил оставаться вне паствы. Меня это печалит. Зрелище того, как человек, — человек, как я полагаю, наделенный немалым умом, — отворачивается от Господа.

— Гидеон всегда держался наособицу. Я ни разу не видел его на службе за все те годы, что прожил в Бэткоме, а это, как вы знаете, немалый срок, преподобный. Такое было время, о совести человека никто не заботился, кроме него самого.

— И Господа, разумеется.

— А теперь это дело властей, и они говорят, что все, кто не ходит в церковь в день воскресный, должны быть занесены в особые списки. С ними станут разбираться на четвертных судебных заседаниях, нравится это кому или нет.

— Вы исполняете свои обязанности, и никто здесь не станет дурно о вас из-за этого думать. Но как бы то ни было, я мог бы попытаться еще раз встретиться с упорствующим мистером Мастерсом...

— Бесс?!

От голоса Уильяма девушка вздрогнула. Она не заметила, как он подошел и встал рядом. Бесс нахмурилась, досадуя, что теперь не сможет дослушать разговор преподобного со старостой.

— А, Уильям. Доброе утро, — пробубнила она, и не думая скрывать раздражение.

Парень тепло улыбнулся.

— Я надеялся тебя встретить, — признался он.

— Надежда не без оснований, учитывая, что я сюда прихожу каждое воскресенье.

— Да. Наверное.

Уильям мялся, дергая себя за плащ, который успел затянуться у него на шее, вместо того чтобы опрятно лежать на плечах.

— Может быть, нам прогуляться? — спросил он.

— Здесь столько народу именно этим и занято, — сказала Бесс, снимаясь с места, — что не мне решать, прогуляться кому или нет.

Уильям поспешил за ней, ее резкость его явно не задевала. Бесс уже собиралась выдать еще что-то язвительное, но заметила, что на нее смотрят родители. Она сразу же замедлила шаг, так что Уильям ее нагнал, и подарила ему лучезарную улыбку.

— Уильям, расскажи-ка мне, все ли в Бэтком Холле в добром здравии?

— Все здоровы, спасибо.

— А твой отец?

Бесс он не нравился, но у Уильяма не было матери, о которой можно было бы справиться.

— Да, вполне. Он, конечно, часто уезжает по государственным делам.

Бесс кивнула.

— Оставляя тебя в поместье за главного?

— Ну, есть еще Гамильтон, мой брат. Поскольку он старший...

Они поравнялись с вдовой Дигби и вдовой Смит. Бесс порадовалась тому, какие у них возмущенные лица. Она не могла решить, кого вдовицы презирают больше: Бесс за то, что возомнила о себе многое, или Уильяма за то, что себя уронил. Мир, который они знали, в последние годы перевернулся с ног на голову, и положиться на то, что хоть что-нибудь останется, как прежде, было нельзя. Не помогали делу и те, кто вдруг решил отказаться от положения, которое счел подходящим для них милостивый Господь. Бесс с невинной улыбкой поклонилась дамам. Вдова Смит поджала губы с такой силой, что они лишились и того скудного цвета, которым обладали. Бесс дождалась, пока они с Уильямом отойдут на безопасное расстояние, прежде чем продолжила разговор.

— Я видела намедни, как ты занимался отцовскими делами, — сказала она. — На краю Бэткомского леса.

— Да, вполне возможно. Но что же могло так отвлечь мои мысли, что я тебя не заметил? Казалось, Уильям был искренне поражен тому, что только что сказала девушка.

— Ты беседовал с Гидеоном Мастерсом.

Бесс изо всех сил старалась говорить ровным голосом, но от имени злодея, произнесенного вслух, ей стало не по себе.

— Ах да. Мы обсуждали, на какие деревья распространяются его права. Похоже, спрос на уголь растет. Думаю, он весь лес спилил бы до пней, если бы мог.

Бесс посмотрела на Уильяма. Она впервые слышала, чтобы он о ком-то так недвусмысленно отзывался.

— Тебе Гидеон Мастерс не по душе?

— Я этого не говорил...

— Но и не отрицаешь?

— Чего ты от меня хочешь, чтобы я с тобой спорил, или...

— ...или отважился сказать правду? — закончила за него Бесс и выжидающе замолчала.

Уильям остановился и повернулся к ней. Решительное выражение изменило его лицо. Так изменило, что он казался значительно старше — мальчика сменил мужчина.

— Если ты настаиваешь, то нет, я не нахожу в Гидеоне Мастерсе ничего, что может нравиться. Есть в нем что-то, в том, как он себя ведет, в его... обыкновениях, что меня тревожит.

— Надо же, в том, как он себя ведет!

— Смейся, если хочешь, Бесс. Ты просила правды. В нем есть что-то дурное. Что-то, с чем я не хочу быть рядом, и тебе советую от него держаться подальше.

Бесс почувствовала, как в ней поднимается злость. На самом деле ей было приятно слышать, что Уильям не доверяет Гидеону, что она не одна знает, как тот опасен. Но, несмотря на это, она не могла не вскинуться из-за того, что молодой человек полагал, будто она должна делать, что он ей велит.

— Что ж, от души благодарю за совет, но я никого не боюсь.

— Я ни минуты не думал, что боишься, — заметил Уильям.

Позже в тот же день Бесс повела Маргарет на берег, собирать ракушки. Они спустились по извилистой тропе с вершины скалы и сошли на песок. Отлив начался час назад, среди камней стояли лужи и шевелились рачки. Бесс и Маргарет расстегнули башмаки и сбросили их на сухие камни. Маргарет, шлепая по сырому песку, побежала вперед, мягкий ветерок трепал ее косички. Бесс шла за сестрой с корзиной в руке, нагибаясь, чтобы выловить из лужиц моллюсков. Над ними с пронзительными криками низко кружили наглые чайки. Парочка приземлилась на песок и поскакала за девочками, разведать, нельзя ли чем-нибудь поживиться.

— Смотри! Бесс, краб. Огромный!

Маргарет стояла по колено в луже, плескаясь в воде, среди песка, который подняла от волнения.

— Стой смирно, Маргарет, он от тебя спрячется в суматохе.

Бесс утихомирила девочку, и они вдвоем стали всматриваться в оседающий песок.

— Я его вижу!

Маргарет было не унять. Она засмеялась, и вскоре Бесс тоже громко захихикала. С визгом девочки шарили в воде, пытаясь поймать краба. Маргарет взвизгнула еще громче, когда схватила его. Бесс забрала краба и бросила в корзину.

— Я найду еще! — пела Маргарет, танцуя к следующей лужице, и ее намокшая сорочка и юбка прилипали к тощеньким ножкам.

Бесс выпрямилась и смотрела, как Маргарет убегает, наслаждаясь отдыхом и немудрящей радостью мгновения. Пляж был широк и длинен, он тянулся рыжим полумесяцем до самого Бэткомского мыса. По другую его сторону береговая линия менялась. Странное сочетание приливов, течений и скальных отложений привело к тому, что за Бэткомом пляжи покрывал не песок, а гладкая галька, на ближнем краю большая, размером с гусиное яйцо, через милю сменявшаяся мелкими камнями, не больше терновой ягоды. Бесс позволила шепоту набегающих волн убаюкать ее, погрузив в подобие легкой грезы. Она что-то заметила, на дальнем краю пляжа, у самой кромки воды. Что-то темное, слишком далеко, чтобы различить. Она видела, что оно медленно движется в ее сторону. Прищурившись, заслонив глаза рукой, Бесс попыталась взглянуть. Теперь она поняла, это человеческая фигура. Мужчина в темной одежде и широкополой шляпе. Он двигался решительно, но,

казалось, едва продвигался по мокрому песку. Бесс слышала, как за спиной Маргарет болтает про крошечных рыбешек, но что-то заставляло ее смотреть, как человек медленно подходит все ближе и ближе. Она не могла сказать наверняка, но думала, что знает, кто это. Мрачное одеяние, высокий рост, размеренные, твердые движения. Это был Гидеон Мастерс. Что ему делать на берегу? При нем не было ни корзины, ни удочки. Бесс не могла представить, чтобы он просто вышел пройтись вдоль моря. Мужчина подходил все ближе, она начала различать его суровые черты и поняла, что он смотрит прямо на нее. Бесс застыла. Облизала сухие соленые губы и заметила, что задыхается. Она вспомнила, что сказал Уильям. В этом человеке есть нечто дурное. Из-за этого она так себя чувствует?

— Бесс, иди сюда, помоги поймать рыбешек. Папа будет так доволен! Иди же!

Девушка оторвалась от завораживавшего зрелища и обернулась к сестре.

— Сейчас, Маргарет, не распугай их.

Она снова взглянула на берег, едва отважившись, ожидая увидеть Гидеона в нескольких шагах от себя. Но он исчез. Перед ней простирался пустой пляж. Пустой и мирный. Бесс побежала вперед, ища на песке следы ног, но их не было. Она слышала, как ее звала Маргарет, но продолжала искать, с плеском пробиралась по мелкой пенной воде, осматривая песок и камни, ведущие на вершину утеса. Ничего. Она попыталась убедить себя, что он, должно быть, шел по мокрому песку. Его следы быстро затянулись бы, и всякое свидетельство его пребывания тут же было бы стерто. Это казалось разумным. Но все же не объясняло, как он пересек полосу сухого песка между кромкой воды и тропой, поднимавшейся по скалам. Или как он преодолел это расстояние с такой скоростью, что Бесс не увидела, как он уходит. Не заметила, как он взбирается по извилистой тропе...

— Бесс?!

Маргарет начала беспокоиться.

С яростно колотящимся сердцем Бесс поспешила обратно к сестренке.

Год пошел под уклон, уходя от лета, и началось плодородное гниение осени. Семья принялась собирать яблоки. Деревья были немолоды, но надежны и здоровы, они снова принесли отличный урожай. Земля становилась все мягче от участвовавших дождей, но ветви еще не растеряли листья, хотя среди них теперь и было больше медных, чем зеленых. Бесс вместе с остальными трудилась в саду. Джон поставил повозку у ворот, и каждую корзину яблок бережно высыпали в нее, чтобы отвезти в амбар. Теперь Энн и Бесс предстояло много дней провести, давя яблоки прессом, чтобы изготовить крепкий сладкий сидр, который станет утолять их жажду и веселить душу в ближайшие двенадцать месяцев. Томас и Джон взбирались по деревянным лестницам с круглыми перекладинами, чтобы достать до верхних ветвей плодовых деревьев. Бесс и Энн принимали у них яблоки, а Маргарет было поручено находить падалицу. Урожай предстояло с великим трудом перебрать и разложить на сухом проветриваемом месте в амбаре. Работа медленная, но вложенное время должно было принести прибыль.

— Ты что, уснул там, Томас?

Бесс начинала терять терпение, стоя у подножия лестницы с натянутым фартуком в ожидании яблока.

С соседнего дерева рассмеялся отец; голова его была в гуще листвы.

— Бесс, может, Томасу сложно выбрать. Мы тут важную работу делаем. Я сидр люблю без червячков.

Дочь принялась нетерпеливо притопывать.

— Или он ждет, чтобы червячки разошлись, — недовольно пробормотала она.

Ветки над ее головой расступились. Томас, нахмурившись, глянул вниз.

— Бесс, прекрати понукать. Быстрее я не могу.

Девушка тяжело вздохнула.

— Лучшепусти меня наверх, если тебе работа слишком досаждаёт.

Энн прошла мимо, неся еще одну наполненную корзину.

— Оставь его. Брат не станет работать быстрее, если будешь его пилить.

Бесс открыла рот, собираясь возмутиться тем, с чем ее просили смириться, когда Томас без предупреждения шумно упал рядом с ней. Он молча ударился оземь. На мгновение Бесс так оторопела, что не могла двинуться, но потом крик Маргарет привел ее в чувство.

— Томас?

Бесс склонилась над братом. Она повторяла его имя, но он не шевелился. Энн рванулась к нему.

— Томас! Пустите меня. Маргарет, детка, уйди с дороги. Сынок?!

Она опустилась рядом с ним на колени. Мальчик наконец застонал и открыл глаза. Вся семья с облегчением выдохнула.

— Как я тут оказался? — спросил Томас, пытаясь подняться.

— Тише! Лежи спокойно, — сказала Энн, глядя его лоб.

Она поморщилась и отняла руку, словно обожглась о кожу. Взглянула на Джона.

— У него лихорадка.

— Из-за этого он и упал?

Энн кивнула.

— Помоги мне отвести его домой.

Томаса бережно подняли на ноги, уложив руки на плечи родителей, и понесли в дом. Бесс хотела пойти следом, но Энн, обернувшись, велела:

— Помоги Маргарет собрать падалицу. Приходите, когда закончите.

Бесс вскинулась от того, как ее оставили в стороне. Она хотела помочь, хотела позаботиться о Томасе, а не оставаться в саду. Но она знала, что нужно доделать работу. И, что важнее, нельзя, чтобы Маргарет испугалась. Нужно делать, что велели, а за братом она сможет ходить в свою очередь, — позже.

Томасу соорудили в общей комнате низкую лежанку, чтобы ему было тепло от огня. Когда сгустились сумерки и Бесс наконец привела Маргарет домой, то, как выглядел брат, ее встревожило. За несколько часов он превратился из бледного, но сильного молодого человека в покрытого испариной, измученного жаром мальчика с хриплым дыханием и тусклыми глазами. Бесс сменила мать и стала бережно промокать его лицо. Энн добавила в воду несколько капель розового масла, но они не могли скрыть все усиливавшийся запах разгоряченного тела бедного Томаса. Несмотря на огонь, который, казалось, бушевал в нем, брат дрожал и стонал от боли в конечностях и суставах, жалуясь, что ему холоднее, чем коровьему хвосту зимой. Когда Маргарет уснула в другой комнате, Энн позвала Джона и Бесс, чтобы те помогли ей раздеть Томаса. Они омыли его и одели в мягкую отцовскую ночную рубашку.

— Что с ним, мама? — спросила Бесс.

— Лихорадка.

— От какого недуга? — потребовала более определенного ответа Бесс.

— Слишком рано, чтобы сказать. Нужно подождать. Со временем станет ясно, от чего он страдает.

Энн отводила взгляд, чтобы не встретиться с дочерью глазами.

— Ступай в сыроварню. Принеси чай из высокой крынки на верхней полке.

— Крапивный чай?

Теперь Энн взглянула на Бесс.

— Да. Помнишь, как его готовить?

Бесс кивнула.

— Тогда скорее.

Девушка оставила брата неохотно, но решительно, радуясь, что мать сочла, что она сможет приготовить для него отвар. Дойдя до двери в сыроварню, Бесс обернулась. Втроем они представляли собой пронзительную картину: мать, опустившаяся на колени у постели больного сына, отец, стоящий рядом. Бесс увидела, как Джон, не отводя глаз от Томаса, потянулся и погладил Энн по щеке. Мать прихватила его руку и тесно прижала к лицу. В это мгновение Бесс поняла, осознала по одному незаметному, но красноречивому движению, что ее брат в смертельной опасности.

К утру Томасу, казалось, не стало ни хуже, ни лучше, но он стал беспокойным. Ворочался в постели, менял позу в тщетных попытках найти положение, в котором будет не так больно. Маргарет собирала в курятнике яйца. Джон уехал в Бэтком на рынок, продавать сыр. Энн и Бесс сели за кружево, чтобы быть подле Томаса. Внезапно он спустил ноги на пол и попытался встать. Обе женщины бросились к нему.

— Томас, — мать положила руки на его плечи, — тебе надо отдыхать. Не пытайся вставать.

— Нет!

В его невнятной речи звучал гнев.

— Пора приниматься за работу, матушка. Нельзя, чтобы все делал отец.

— Ты болен, — прошептала Бесс. — Отец справится, пока ты не выздоровеешь.

Томас не унимался, он боролся с ними, обретя необъяснимую силу.

— Пустите! Я хочу выйти! — крикнул он, ковыляя к двери и явно не сознавая, что не одет.

Походка у него была шаткая и беспорядочная, отчего он цеплялся за мебель и стены.

— Томас! — позвала Энн.

Они с Бесс попытались убедить его лечь, и снова безуспешно. Теперь он бредил, извергая поток бессвязных слов, точно говорил с кем-то невидимым. В конце концов парень ухватился за щеколду и распахнул дверь. Бесс боялась, что он выйдет из дому — что с ним тогда случится? — но этого ему не дали. Джон ступил на порог, ведя сына обратно в дом. Он развернул Томаса, твердо, но бережно, и направил не обратно в постель, а к двери в спальню.

— Идем, Томас, — мягко произнес он, — ты усердно трудился. Теперь отдохни.

Бесс и Энн пошли следом и помогли мальчику лечь в кровать. Томас, казалось, утомился и сразу забылся беспокойным сном.

Джон взял Энн за руки.

— Я был в деревне, — сказал он.

На лице матери отразился вопрос, но заставить себя выговорить слова она не могла.

— Заболели и другие, — подтвердил Джон. — Некоторые уже умерли.

— Сколько? — прошептала Энн.

— Пока одиннадцать.

— Боже милостивый...

Кровь отлила от лица Энн.

Бесс больше не могла молчать.

— Мама? Что это? Что происходит?

Энн смогла лишь покачать головой, на мгновение лишившись дара речи. Потом судорожно вдохнула и повернулась к Бесс.

— Собери постели. — Она обвела рукой комнату. — Забери отсюда все, что не принадлежит Томасу. Отец передвинет кровати. Потом принеси свечи, нет, топленое сало и ведро, а еще мне понадобится вода. И шалфей, чтобы сжечь... Быстрее, Бесс, некогда зевать.

— Но я не понимаю...

— Слушай, что я тебе говорю. Как только принесешь все нужное, ты больше не должна заходить в эту комнату. Слышишь? И сестре не позволяй переступать порог. Будешь приглядывать за ней сама и не пускай ее ни в комнату, ни ко мне. Обещай!

— Обещаю, — проговорила Бесс, сквозь слезы еле различая хрипевшего и дрожавшего на кровати брата.

Теперь она все поняла, хотя никто не смог ей прямо сказать, что она хотела услышать. В глубине души девушка знала, что за новости отец привез из деревни. Она знала правду, и ей было страшно, как никогда в жизни. В деревне умирали люди. Ее брат умирал. Многих ждала та же медленная мучительная смерть. В Бэтком пришла чума.

Следующие несколько часов были полны бурной деятельности. Бесс сделала все, как велела мать, а потом, прихватив Маргарет, занялась скотиной, что обычно делал Томас. Нужно было подоить коров, покормить и напоить свиней, собрать хворост. Бесс заставила себя сосредоточиться на работе. Она уклонялась от бесконечных вопросов Маргарет, отвечая невнятными уверениями и не могла позволить себе думать о том, что, пока собирает хворост, ее брат угасает. Подобные мысли парализовали бы ее или свели бы с ума. Вернувшись к коровам, в хлев, она увидела, что отец разводит костер. Он бросил в огонь постель, на которой Томас спал прошлой ночью, и всю его одежду. Бесс при виде этого едва не расплакалась. Она стояла и смотрела на отца, и сердце ее разрывалось от того, как мужчина ссутулился, как склонил голову.

В ту ночь она лежала на временной постели в гостиной и слушала, как Томас жалобно стонет в соседней комнате. Мать она видела только мельком, когда та вышла на минутку на улицу, подышать и перевести дух.

Бесс заметила, как она это сделала. Дверь в спальню была приоткрыта, и потребность увидеть брата оказалась невыносима. Она распахнула дверь и прокралась в комнату. Остановившись у кровати Томаса, Бесс всмотрелась в него. В комнате стоял полумрак, брат лежал лицом к стене.

— Томас? — прошептала Бесс, а потом громче повторила. — Томас?!

При звуке ее голоса он перекатился на спину. Увидев брата, Бесс чуть не закричала в голос. Половина его лица была иссиня-черной и опухшей, половина бледной и точно съездившейся. Один глаз налит кровью, второй превратился в алое месиво. От его хриплого дыхания шел такой смрад, что Бесс затошнило. Ей потребовалось все ее самообладание,

чтобы с криком не броситься прочь из комнаты.

— Бесс? Это ты?

Он поднял руку, нашаривая ее ладонь.

Бесс собралась и взяла его за руку. Казалось, кисть ее сжал не сильный юноша, а старик.

— Я здесь, Том. Лежи.

— Хорошо, что я тебя снова вижу. Я боялся...

Он не смог закончить. В его несчастных изуродованных глазах стояли горячие слезы.

— Прости меня, Бесс, — всхлипнул он.

— Простить? За что?

— За то, что мне не хватает смелости. Я знаю, я должен, ради матушки, ради всех вас.

Но я просто... так боюсь.

Бесс опустилась рядом с Томасом на колени и прижала его руку к груди.

— Ох, Томас, нет смелости в том, чтобы не чувствовать страха. Разве ты не знаешь? Тот, кому ведом страх и кто все равно думает о других, вот он по-настоящему смел.

Томас посмотрел на нее, и кривая улыбка еще больше исказила его лицо.

— Ты в это правда веришь, Бесс?

— Да.

Она кивнула, и ее слезы закапали на мокрое покрывало, смешиваясь с его слезами.

— Бесс! Что ты творишь?!

Крик матери заставил ее вскочить на ноги.

— Я просто хотела повидать его, мама, всего на минуточку.

Энн схватила ее за руку, подтащила к двери и грубо вытолкнула наружу.

— Ты мне обещала, Бесс!

— Прости, я только хотела...

— Неважно, чего ты хотела, девочка. Ты понимаешь, что могла натворить? Понимаешь?

Энн захлопнула дверь.

Бесс содрогнулась, вспомнив о материнском гневе и о страданиях несчастного брата. Она оставила попытки уснуть и крепче прижала к себе Маргарет. Незадолго до рассвета Томас принялся надсадно стонать; душераздирающий звук, Бесс знала, что он будет ее преследовать всю оставшуюся жизнь. Когда в окно, не закрытое ставнями, просочился робкий рассвет, стоны оборвались, а вместе с ними и жизнь Томаса.

Сама не своя от недосыпа, Бесс откинула покрывало и пошевелилась. Ласково потрясла Маргарет за плечо, но малышка не проснулась. В слабом свете утра девушка взглянула на нее и увидела, что лицо сестры стало цвета незрелого сыра. Она услышала пронзительный крик и не сразу поняла, что сама его издала.

Боже милосердный, что я наделала? Что я наделала?

Жизнь превратилась в месиво из лихорадки и ужаса. У Бесс никак не получалось поверить, что все происходит на самом деле. Конечно же, это какой-то чудовищный кошмар, от которого она скоро проснется, напуганная, хватая воздух, и ее тут же успокоит и приведет в себя обыденность жизни. Только это не было кошмаром. Маргарет, бормоча и потя, лежала на постели в прихожей, Бесс была подле нее, пока мать готовила бедного Томаса к погребению. В это безумие вплелся звук повозки снаружи и резкий стук в дверь.

— Мистер Хоксмит? Откройте дверь! — потребовал грубый голос.

Энн появилась на пороге спальни. Взглянула на Джона.

— Сборщики! — произнесла она.

— Мама, что им нужно? — спросила Бесс.

— Томас, — услышала она в ответ. — Они хотят забрать нашего мальчика.

Казалось, Энн сейчас потеряет сознание.

— Пока я жив, нет, — еле выговорил Джон, голосом, исполненным страдания и чувства утраты.

Он подошел к двери и крикнул, не открывая ее:

— Здесь ничего для вас нет! Мы сами разберемся.

— У вас в доме чума, мистер Хоксмит. Мы должны отвезти тела, если они есть, в яму.

— Нет! — выкрикнула дочь. — Отец, не позволяй им.

Джон схватился за край кухонного стола.

— Помоги мне, Бесс.

Вместе они подтащили тяжелый стол и подперли дверь. Джон прислонился к нему.

— Открывай, Хоксмит. Мы вернемся с приказом губернатора, и нас будет больше, ты это знаешь.

— Возвращайтесь хоть всем Бэткомом, если пожелаете! — проревел Джон. — Никого из моих детей не бросят в чумную яму, слышите?

За дверью послышалось бормотание, потом оно стихло.

— Ушли? — со страхом спросила Энн.

— Ушли, — тихо произнес Джон.

Он подошел к окну и какое-то время смотрел наружу, потом твердым голосом заговорил с женой:

— Надо похоронить нашего мальчика сегодня. Откладывать нельзя.

Энн сменила Бесс у постели Маргарет, пока та ходила за скотиной. Коров не доили как следует уже несколько дней, и они были в дурном настроении. Бесс заплакала от горя и бессилия, когда старшая корова второй раз выбила у нее из рук ведро молока. Она подумала, что никогда столько не плакала, и испугалась, что этому не будет конца. Томас умер, Маргарет тяжело больна. Это она виновата? Она принесла болезнь от Томаса к Маргарет? От этой мысли сердце Бесс сжалось. Она поспешила проверить, есть ли у коров вода. Возвращаясь домой, Бесс увидела, что отец копает Томасу могилу. Она остановилась и стала смотреть, не в силах заставить себя оторваться от того, как ее ненаглядный папа упорно перекидывает лопатой мокрую землю, уходя все глубже, готовит место, где его первенец проведет вечность. Пока Бесс смотрела, отец закончил могилу — темную грязную рану в заросшем травой саду. Родитель выпрямился, Бесс увидела, как он вытер слезу тыльной стороной грязной руки. На мгновение ей показалось, что папа молится, так неподвижно он застыл. Потом у него подогнулись ноги, и он без звука упал ничком в могилу.

— Мама! — закричала Бесс, бросив подойник и кинувшись к отцу. — Скорее!

Она подбежала к могиле и заглянула в нее.

— Отец!!!

Он лежал на дне вонючей ямы и стонал. Бесс слезла вниз и попыталась поднять его на ноги. Отец то впадал в беспамятство, то приходил в себя, издавая звуки, недостаточно внятные, чтобы быть словами. Руки у него были потные, лицо горело. Энн заглянула в могилу через край.

— Господи, помилуй нас!

— Он упал. Занедужил, мама. Папе нехорошо! Он слишком тяжелый, я не могу его поднять.

Энн соскользнула вниз, к Бесс, и они вдвоем поставили Джона на ноги.

— Толкай, дочка. Давай, надо его вытащить.

Почти час ушел у двух женщин на то, чтобы вытолкать Джона из скользкой могилы. Когда они дотащили его до дома, все трое были покрыты грязью. У Бесс едва хватило сил принести воды, но она знала, что нужно вымыть отца и вымыться самим. Маргарет металась в постели, то зовя маму, то прося, чтобы боль прекратилась. Энн и Бесс уложили Джона. Женщина зажгла в очаге шалфей, они натерли Джона и Маргарет лавандовым маслом. Сидя рядом с сестренкой и бережно намазывая ее тонкие ручки душистым маслом, Бесс снова задумалась о Господней любви и решила, что в доме Хоксмитов ее в этот вечер не было. Она так устала, что готова была уснуть на полу, где сидела. Мать разбудила ее, тронув за плечо.

— Бесс, мы должны похоронить Томаса. Скоро вернутся сборщики. Я не позволю им его забрать, — с болью в голосе сказала она.

Бесс в оцепенении прикатила тачку. Энн плотно завернула Томаса в простыню; сейчас было не до гробов. Женщины перевалили его тело на доску, которую втолкнули в тачку, и повезли наружу. Начался дождь, а поскольку на дворе стоял октябрь, вода не просто падала сверху вниз, но летела под жутким углом, чтобы забраться под одежды и воротники. Бесс и Энн изо всех сил старались везти Томаса осторожно, но они так устали, и место погребения было таким топким, что им пришлось просто сбросить тело в полную воды яму. Они без слов сгребали и кидали землю, пока не зарыли могилу. Молча постояли, глядя на холмик перед собой. Дождь беспрепятственно сбегал по их лицам. Бесс ждала, что мама что-нибудь скажет, слова утешения или прощания, или как-то попытается вручить душу Томаса Богу. Но слова так и не прозвучали. У Бесс не хватило духу произнести что-то самой. Что толку было теперь говорить с Господом? Она протянула руку к Энн, но мать развернулась и пошла к дому.

— Мы нужны живым, — вот и все, что она сказала.

Дойдя до дома, Бесс впервые обратила внимание, какую метку сборщики оставили на двери. Она сообщала миру, что это зачумленное жилище. Не ферма, не дом, не место, где люди жили и любили. Просто здание, в котором завелась болезнь, место, которое должны презирать и отвергать. Зайдя внутрь, Бесс подумала, сколько еще могил предстоит выкопать им с матерью. И кто останется, чтобы выкопать могилы для них.

В ту ночь Бесс с матерью сидели у огня, слишком измученные, чтобы взяться за кружево. Слишком подавленные, чтобы разогревать похлебку. Они несколько часов назад доели сухой ломоть сыра и выпили последнюю бутылку прошлогоднего сидра. Бесс чувствовала, что ее желудок готов отвергнуть и это. Она взглянула на мать. Неровный свет очага озарял ее некогда красивое лицо, отбрасывая под глазами глубокую тень. Бесс вспомнила, каким был Томас, когда она в последний раз его видела. Девушка зажмурилась, но видение не уходило, в темноте за закрытыми веками оно было еще страшнее. Пытаясь избавиться от него, Бесс посмотрела на Маргарет. Малышка спокойно спала, а Джон в соседней комнате стонал и метался.

— Кажется, она уже не так страдает, — заметила Бесс.

Мать не сводила глаз с огня.

— Она спит.

— Это же хорошо, правда? Отдых может помочь исцелению.

— Может...

В голосе Энн не было убежденности.

Бесс больше не могла выносить то, как мать уклоняется от разговора.

— Она выживет, мама? Скажи, что выживет!

Взгляд Энн наконец оторвался от огня. Она посмотрела сперва туда, где лежала Маргарет, потом повернулась к Бесс. Казалось, каждое незначительное движение дается ей с огромным трудом.

— У нее чума, Бесс.

— Но некоторые же выживают, разве нет?

— Некоторые, да. Сильные и взрослые. Первыми гибнут слабые. Старики. И малыши.

У Энн не было сил на переживания. Она снова уставилась на огонь.

Бесс вскочила.

— Я не дам ей умереть! Не дам! — крикнула она.

Бесс повесила над очагом чайник, потом принесла из сыроварни мед. Налила в миску горячей воды, размешала в ней янтарный сироп. Отнесла его Маргарет. Подняв девочку повыше на изголовье, тихонько заговорила с ней.

— Давай, малышка, смотри, что я тебе принесла.

Она поднесла к потрескавшимся губам сестры ложку теплой жидкости. Веки Маргарет затрепетали, но не открылись. Ее шея распухла от безобразных бубонов. В страшных буграх виднелась россыпь красных точек. Кожа Маргарет начинала темнеть от кровоподтеков, из-за которых болезнь прозвали черной смертью. Бесс отогнала злые мысли и, бережно раздвинув губы сестры, влила ей в рот глоточек воды с медом. Он вытек наружу. Бесс попробовала снова. На этот раз Маргарет поперхнулась, но вкус заставил ее прийти в себя, и она открыла покрасневшие глаза.

— Бесс?

Голос ее звучал сухим шепотом.

— Я здесь, малышка.

— Бесс... — изо всех сил стараясь собраться, она протянула руку к лицу сестры. — Ты можешь сделать, чтобы мне стало лучше... Я знаю, что можешь... волшебством. Своим волшебством.

Теперь малышка смотрела в глаза с мольбой, упрасывая, и была исполнена страха и вместе с тем надежды. Она ждала.

Девушка боролась со слезами горя. Все ее умения были бесполезны. Фокусы, которыми она так радовала Маргарет всю жизнь, были бессильны против неистовства чумы, и Бесс это знала. Она покачала головой, не желая признаваться сестренке, что волшебство ей не поможет.

— Потом, милая. Сейчас ты должна немножко попить. Давай, вот так, хорошо.

Она снова окунула ложку в миску.

— Еще чуть-чуть. Это вернет тебе силы.

Бесс продолжала кормить Маргарет, не сводившую с нее глаз, пока не поняла, что сейчас расплечется. Когда миска опустела, Бесс уложила Маргарет и устроила ее поудобнее. Села на пол возле низкой лежанки сестренки, обняла малышку и пожелала, чтобы та выздоровела. Пожелала, чтобы Маргарет выжила.

На следующее утро Бесс проснулась там же, где уснула: возле сестры. Петух дважды хрипло прокукарекал с крыши амбара. По серому рассвету было понятно, что еще одна ночь прожита, и впереди еще один день. Бесс неловко поднялась и пошла к очагу помешать угли.

— Бесс...

За ее спиной стояла мать.

— Доброе утро, мама. Не беспокойся. Я послежу за огнем и принесу Маргарет воды с медом. По-моему, ей понравилось. Я знаю, ей это поможет.

— Бесс!

Энн шагнула вперед и положила ладонь на рукав дочери.

— Твоя сестра умерла.

Кровь отлила от головы девушки, и ей показалось, что она сейчас упадет в огонь. Бесс открыла рот, собираясь закричать, но поняла, что не может. Подбежала к Маргарет, бросилась на холодное тело малышки. Тут к ней вернулся голос.

— Нет! Нет, нет, нет, нет! Не Маргарет. Не моя малышка!

Она схватила безжизненное тело девочки.

— Очнись, давай же. Ты должна проснуться. Проснись, пожалуйста!

Бесс грубо трясла сестру, не понимая, что творит.

Энн оттащила ее.

— Оставь малышку, дочка.

— Нельзя мне было засыпать! Я бы ее спасла!

— Ничего было не поделать.

— Но это я сделала! Господи милостивый, это я ее убила. Я вошла к Томасу, хотя ты мне не велела, и принесла чуму бедной милой Маргарет, и теперь она умерла! Дай и мне умереть! Дай мне уйти с ними!

Бесс едва увидела, как рука матери поднялась — и с огромной силой обрушилась ей на щеку. Удар сбил ее с ног. Она пораженно стерла пальцами кровь с губ. Взглянула на мать, оторопев от случившегося.

Голос Энн, заговорившей сквозь сжатые зубы, был спокоен.

— Слушай меня. Внимательно слушай. Ты виновна в смерти сестры не больше, чем я. Она заболела слишком быстро, чтобы ты заразила ее от Томаса. Понимаешь?

Бесс кивнула.

— Сейчас надо быть сильной. Нужно заглянуть в самую глубину своего сердца и найти силу, которая жила там все время, неведомо для тебя. Тебе надо быть мужественной. И мне тоже. — Она помогла дочери подняться. И, твердо держа ее за руки, продолжила: — Сходи за плащом, детка, нам нужно многое сделать на улице.

— Но кто-то должен остаться с отцом, — всхлипнула Бесс, пытаясь втянуть обратно струйку крови, стекавшую с губы.

Она почувствовала, как руки Энн задрожали, хотя она держала дочку так же крепко и не сводила с нее твердого взгляда.

— Твоему отцу мы больше не нужны, — сказала она. — Идем, нужно торопиться, пока не вернулись сборщики.

Произнеся это, Энн пошла в дальний угол за шалью. Потом встала в ожидании возле двери. Кровь с лица Бесс смывали беззвучные слезы. Она подошла к отцу, неподвижному и холодному, как брусок масла. Лицо у него было мирное, несмотря на бледность. Бесс показалось, что на губах отца все еще видна озорная улыбка. Она дрожащей рукой погладила его по щеке и вслед за матерью вышла из дома.

Лишь через два дня после того, как они похоронили Джона и Маргарет, безжалостный дождь прекратился. Бесс пошла на опушку Бэткомского леса и набрала скудных диких цветов. Воздух все еще был тяжел от сырости, но дерзко светило солнце. Из леса долетал запах сырого мха и грибных спор. Бесс взгляделась в сумрак между тесно растущими деревьями и поняла, что думает о Гидеоне Мастерсе. Обошла ли мужчину чума? Его дом стоял далеко от прочих, и по привычке к одинокой жизни он вполне мог не встречаться с больными. Должно быть, ужасно, подумала Бесс, жить в таком отрешении. Она представила, каково это: заболеешь, а никто не заметит. Но, с другой стороны, если Гидеону было некого любить, то ему и терять было нечего. Тупая боль, которая теперь поселилась в пустом сердце Бесс, или жестокий приступ муки, охватывавшей ее, стоило ей отвлечься, — как тогда, когда она нашла вдруг трость Томаса, или увидела отцовскую трубку, или поймала себя на том, что проговаривает любимый стишок Маргарет, — все это было не для Гидеона. В такие минуты Бесс падала на колени от горя, у нее перехватывало дыхание, словно от удара. Она видела, что мать точно так же страдает, и обе они знали, что исцеления нет. Ничто не вернет им спокойствия. Бесс вернулась к дому и отнесла цветы на могилы. Холмики земли были по-прежнему влажными, трава на них не вырастет еще много месяцев. Денег на надгробия не было. Вместо этого Бесс и ее мать собирались поставить что-нибудь деревянное, когда-нибудь, когда смогут осуществить это, не рискуя свалиться без сил. Бесс ощутила, что Энн стоит рядом с ней.

— Идем в дом. Не на пользу тебе тут так долго быть.

— А я долго? Я и не заметила. Смотри, я принесла цветы.

— Красивые. Маргарет бы понравились.

— Она бы их увидела, если бы была здесь.

— Я верю, что она по-прежнему здесь. А ты нет?

— Я имела в виду, здесь, — Бесс обхватила себя руками, словно все еще обнимала сестренку. — Теплая, живая, полная радости, милая, чтобы я ее могла потрогать... а не тихая и холодная в грязной могиле.

— Нужно сохранить ее в сердце. Теперь она живет там, а не в земле. Она в наших сердцах. В нас.

Взгляд Энн остановился на могиле Джона.

— Все они надежно укрыты в наших сердцах.

— Я думала, они должны быть с Господом. — Бесс не смогла удержаться, и в ее голосе прозвучала горечь. — В Его любящих руках — разве не так? Ты в это веришь, мама? Веришь?

— Бесс...

— Веришь?

Бесс бессильно заплакала.

— Тише, дитя. Не надо больше слез. Никаких слез.

Энн потянулась и вытерла пальцем щеку дочери. На ее лице отразилась тревога.

— Бесс...

— Ты веришь в это не больше, чем я. Где был Добрый Пастырь, когда лицо Томаса раздулось, как брюхо мертвой овцы? Где был Господь, когда отец проклинал нас со смертного одра?

— Родная! Ты горишь.

— Где был любящий Господь, когда Маргарет хватала воздух, пытаясь дышать?

— Бесс! — Энн схватила дочь за плечи и серьезно произнесла: — Ты нездорова — тебе

нужно в дом.

— Что? — девушка пыталась понять, что произнесла мать. — Нездорова?

В этот миг время замерло. Женщины стояли, опираясь друг на друга, горе и страх грозили переполнить их. Где-то в саду дрались сорока с вороной. Легкий ветерок пошевелил цветы, которые Бесс положила на могилы.

Энн глубоко вдохнула и развернула единственную живую дочь к дому.

— Идем, — сказала она. — Идем в дом.

Лихорадка быстро отняла у Бесс чувство времени и осознание окружающего мира. Она понимала, что мать где-то рядом, понимала, что ее омывают розовой водой и натирают ароматными маслами. Чувствовала, что к ее губам подносят ложку или чашку, через край которой в рот льется жидкость. За исключением этого мир перестал существовать. Остались только боль и бред. Она ощущала одновременно такой жар, что ей казалось, что соломенная крыша дома загорелась, и такой холод, что думала, будто уже умерла. Ее тело словно отделилось от нее, точно ни власти над ним, ни толку от него для нее больше не было. Оно стало лишь проводником мучений, и только. Бесс слышала рваный хриплый шум. Что это, ветер в печной трубе? Или где-то пилят дерево? Нет, она поняла, что это звук ее дыхания. Воздух втягивался в тело и выходил прочь, словно работали старые кузнечные меха, раздувавшие пламя горячки. Временами ее охватывал покой, принятие того, что она скоро умрет. Так и надо. С чего бы именно ей оставаться в живых? Разве не она ускорила смерть бедняжки Маргарет? Она скоро присоединится к остальным. Как-то, в темноте, девушка услышала голос матери. Казалось, она говорила о жизни, а не о смерти, хотя смысла в этих словах не было. Потом Энн почему-то ушла. Бесс не могла знать наверняка, что ее нет в доме, но была совершенно уверена, что осталась одна. Не на десять минут, как когда мать выходила за водой или дровами, а на долгий, пустой, безмолвный промежуток времени.

И в это время Бесс видела сон. Он был отчетлив, как свежее воспоминание. Она снова оказалась в пустой могиле Томаса, по крутым стенкам которой струился дождь, так что жидкая грязь доходила до колен. Она хваталась за скользкую землю, пыталась выбраться, но не находила опоры. Соскользнула вниз, упала навзничь в трясину, на мгновение уйдя в нее с головой. Потом села, кашляя, выплевывая грязь, стирая с глаз воду с глиной. Протерев глаза, Бесс увидела Томаса, таким, каким он был в самых страшных припадках во время чумы; он сидел напротив. Томас уставился на Бесс чудовищными выпученными глазами, обратив к ней почерневшее лицо. Она закричала и принялась карабкаться вверх, но на этот раз ее сбilo тело Маргарет, сброшенное в яму. Девочка в ярости обернулась к сестре и прокричала: «Это ты со мной сделала! Ты меня убила!» Бесс качала головой, отползая прочь, и кричала, пока не лишилась голоса. Съежившись в углу, она закрыла голову руками и стала ждать смерти.

Первым признаком того, что на самом деле она жива, стало пение. Такой неожиданный и странный шум, что Бесс не сразу поняла, что проснулась и слышит настоящий звук, а не порождение горячечного ума. Она открыла глаза. На дворе был день. В очаге тихо горел огонь. Сквозь окно падал зимний свет. Краем глаза Бесс заметила движение и обнаружила, что может слегка повернуть голову. Она увидела, что песню поет мать. Энн стояла к Бесс спиной возле кухонного стола, накинув на голову шаль. Она была полностью сосредоточена на одинокой свече, горевшей перед ней. Вокруг свечи стояли незнакомые предметы. Руки Энн были подняты, словно в мольбе, ее тело слегка раскачивалось из стороны в сторону, пока она снова и снова выводила низкие однообразные ноты. Бесс не могла разобрать слова. Они звучали странно, словно на чужом языке. Эту песню она точно не слышала прежде.

Мелодия, если можно было ее так назвать, была жутковатой и нестройной, но странным образом завораживала. Внезапно, будто почувствовав, что за ней наблюдают, Энн уронила руки вдоль тела и замолчала. Еще мгновение она стояла, не шевелясь, потом задула свечу и обернулась.

Бесс ахнула, увидев, что волосы матери полностью побелели. Не осталось ни единой золотой прядки. Из-за этого Энн выглядела на десять лет старше, чем всего несколько дней назад. Девушка попыталась приподняться на локте, но мать поспешила к ней.

— Бесс! Лежи, лежи тихо, малышка. Все хорошо, — сказала она, опускаясь на колени у постели.

Энн коснулась щеки Бесс и улыбнулась; дочь не видела, как мать улыбается, с того дня, когда они собирали яблоки.

— Мама, что с тобой? У тебя волосы...

— Это неважно. Важно, что с тобой все хорошо. С тобой все хорошо.

Она сжала руку дочери.

— Но как?

Бесс села, изучая руки и кисти, ощупывая лицо в поисках бугров или отеков, следов уродства, поразившего других членов ее семьи. Ничего не было.

— Будь спокойна, — произнесла мать, — ты точно такая же, как была. Чума не оставила на тебе метку.

— Ох, мама!

Бесс бросилась в объятия Энн и зарыдала от облегчения и горя. Какое-то время, недолго, ей казалось, что она так близка к Маргарет. Девушка была уверена, что скоро увидит сестру. Теперь известие о том, что ей выпало жить, было омрачено болью: ее снова оторвали от младшей сестры.

Энн вытерла дочери слезы.

— Ну же, сейчас не время плакать. Я приготовлю похлебку. Ты скоро совсем поправишься. Увидишь.

Глядя на мать, ходившую по комнате и готовившую еду, Бесс пыталась разобраться в том, что случилось. Она заболела чумой, но выжила — она одна. Неужели мать нашла лекарство? Что она испробовала с Бесс, чего не дала другим? Какое могучее снадобье создала, и если оно было так действенно, почему не прибегла к нему раньше? Теперь Бесс заметила, что волосы были не единственным, что разительно изменилось в матери. Она словно двигалась по-другому, совсем иначе, по-новому, наполняя комнату. Это было непривычно и тревожно. Что-то глубоко переменялось в Энн, пока Бесс лежала больная. Какая-то страшная вещь произошла в самой основе ее бытия, что-то навеки изменилось в ее душе.

Зима в тот год была самой суровой из тех, что выпадали на долю Бесс. Холоду горя в сердце вторили ледяные ветра и страшная стужа, обрушившиеся на ферму. Бесс и ее мать боролись со стихией, пытаясь обрабатывать землю и ходить за скотиной, но задание это было невыполнимым. Участок расчищали и засеивали из расчета, что на нем должны трудиться четверо взрослых, а не двое. Вскоре стало ясно, что своими силами они не управятся, а денег, чтобы нанять помощников, у них не было, поэтому и пришлось расстаться с частью скотины. Меньше скотины — меньше еды. Вдвоем они забили старую свинью и засолили мясо. Оставшаяся свинья целыми днями угрюмо бродила по двору, угрожая истаять прямо на глазах Энн и Бесс. Младшую корову продали соседу. Старшая оказалась яловой, и это означало, что

молоко теперь давала лишь одна. Низкий надой — прощай, сыроварение, по крайней мере, до следующей осени.

Рождество в доме Хоксмитов не отмечали. Ни Бесс, ни ее мать не смогли бы сейчас вынести радостные обряды, делавшие этот день особенным: это напомнило бы им о потерянных любимых. Будь у них время и силы оглядеться, они бы поняли, что многие в деревне перестали отмечать святки. Местным обычаем стало тихое следование воле Божьей. Праздник напоказ, дававший повод для веселья и, частенько, пьяного буйства во имя Его, забыли. Но для Бесс и Энн это не имело значения. Теперь они редко выбирались в деревню, разве что продать что-нибудь или купить. Ни одна не была в церкви с тех пор, как разразилась чума. Бесс приходило в голову, что это не останется незамеченным. Она помнила, что преподобный Бердок сказал церковному старосте. Казалось, это было так давно — когда-то в солнечное, светлое, полное надежд время. От всех прихожан требовалось посещать воскресные службы, а отсутствующих записывали. Пока что из-за неприветливой погоды и лишений, которые деревня претерпевала во время чумы, у жителей находились другие заботы. Пока что...

В самые темные дни снег целых две недели покрывал землю почти до моря. Бесс прежде никогда не видела вершины утесов в белом ковре. Тепло моря до сих пор отгоняло дурную погоду. Глядя на прекрасный застывший мир, Бесс чувствовала, что даже земля скорбит. «Придет ли когда-нибудь весна?» — гадала она. Ей казалось, что так может остаться навсегда. Перед Рождеством она помогла матери отжать последние яблоки и поставить сок бродить. Теперь сидр созрел, и Энн решила, что они должны его продать.

— Отвези бутылки в «Три пера». Спроси Джеймса Крэбтри. Агнес сама захочет с тобой поторговаться, — говоря это, Энн застегнула на плечах Бесс тяжелый плащ. — Не дай ей втянуть себя в торг; она снизит цену почем зря. Джеймс, поняла?

Бесс кивнула. Она уловила глубоко в животе какое-то незнакомое ощущение и в конце концов узнала в нем волнение. Прежде Бесс никогда не была в пивной, а о «Трех перьях» в деревне шла слава как о самом буйном заведении. Она так долго просидела на ферме, что ее взбудоражила возможность выйти в люди, да еще с таким взрослым и важным поручением. И тут же Бесс замутило от чувства вины, словно неправильно было испытывать хоть какое-то подобие удовольствия. «Неужели теперь так всегда со мной будет?» — задумалась она.

Снег сошел, но земля смерзлась в камень, а от злого ветра у Бесс заболело лицо, стоило ей выйти из дому. Она надвинула капюшон плаща на чепчик и крепко его завязала. Вывела хмурую старую кобылу, которая вовсе не желала, чтобы ее вытаскивали из теплого амбара. Энн помогла Бесс уложить бутылки с сидром в переметные сумки.

— Не тяни время, — заметила Энн, затянув подпругу, и протянула дочери повод. — Знаю, Шептунья в деревню пойдет медленно, зато, доставив сидр, ты сможешь сесть верхом, и домой она побежит резвее.

Бесс приняла повод.

— Идем, старушка, я тебе дам сенца, когда вернемся.

— И не задерживайся в пивной, Бесс, — крикнула вслед мать. — Не говори ни с кем, кроме Джеймса Крэбтри!

Пивная «Три пера» представляла собой большую постройку из толстых бревен под лохматой соломенной кровлей. На верхнем этаже были окошки, вырезанные в крыше. Комнаты здесь сдавали, там останавливались на ночь проезжие — без удобства и среди шума. Бесс слышала, что комнаты эти использовали не только для сна. Она привязала

Шептунью к кольцу на фасаде и вошла внутрь. Все ее чувства подверглись мощной атаке. Дым от сырых дров в очаге и множества глиняных трубок, которыми увлеченно попыхивали и размахивали посетители, стоял гуще тумана над морем. Бесс захлопнула за собой дверь, изо всех сил стараясь не обращать внимания на сальные взгляды в свою сторону. Первый этаж пивной занимал зал с низким потолком, полный обшарпанных столов и лавок. Стоявшую у огня скамью с высокой спинкой занимали пьяницы-завсегдатаи неопределенного возраста и слабеющего ума. На местах возле окон расположились громогласные женщины в ярких платьях, развлекавшие мужчин с блестящими глазами. Пронзительный смех отвратительных пьяных парочек смолкал лишь тогда, когда они ускользали в одну из комнат наверху. На противоположном от очага конце зала помещалась грубая стойка из плавника. В углу стояли бочки. На грязных полках ждали кружки, горшки и кувшины. Лай и рев пьяных мешались с требованиями эля или сидра, обращенными к хозяйке, чье настроение портилось на глазах, и служанке, которая больше времени проводила, отпихивая от себя чужие руки, чем наполняя кружки.

Бесс выпрямилась и быстро пошла к стойке. Вслед ей бросали грязные комплименты относительно ее длинных ног и полных губ, от которых она краснела, поспешно продвигаясь через толпу. Не единожды она ощутила на себе чью-то руку, но не ответила. Дойдя до стойки, Бесс, к своему огорчению, не увидела хозяина пивной, только его сварливую жену. Она почувствовала, как вокруг собирается толпа мужчин.

— Я пришла сюда, чтобы поговорить с мистером Крэбтри, — заявила она Агнес Крэбтри, ни минуты не стоявшей на месте.

— Что ж, — женщина говорила, не трудясь посмотреть на Бесс, — мистер Крэбтри сейчас как раз занят, так что придется тебе говорить со мной.

Запах разгоряченных и грязных тел начинал перебивать дым и доходить до носа Бесс. Она никак не выказала охватившее ее отвращение.

— Я отвлеку его всего на минуту. У меня есть сидр на продажу.

Бесс говорила ровным, но вместе с тем любезным голосом.

Теперь Агнес повернулась и нахмурилась, увидев перед собой раздражающе хорошенькую девушку.

— Ты чего, думаешь, я в сидре не понимаю, так, что ли?

Со стороны стоявших поблизости мужчин послышался заинтересованный гул. Бесс подавила ужас, ощутив, что один из них встал к ней так близко, что она чувствовала его тело.

— Я вижу, что вы заняты без роздыху, миссис Крэбтри. Не хочу вас беспокоить. Моя матушка сказала...

— А, ну если тебе матушка сказала! — Агнес злобно передразнила Бесс, вызвав у пьяниц вал смеха и кашля; некоторые подхватили ее игру.

— Матушка ей сказала! Слышь, матушка сказала!

Мужчина, стоявший у Бесс за спиной, бесстыдно к ней прижался. Бесс покраснела, явственно ощутив ягодицами его тело. Весь страх, который она чувствовала, тут же сменился яростью. Какое право он имел так с ней обращаться? Какое право на это имел любой другой мужчина? Она развернулась на пятке, заставив мужчину вздрогнуть от резкого движения и нетвердо отступить назад.

— Сударь! Я не искала вашего внимания, и оно мне не по нраву!

Собравшиеся на мгновение замолчали от удивления и радости.

— Не повезло, Дэйви! — с издевкой заметил один. — Девчонка внимания не ищет!

— Но хотя бы назвала тебя «сударем»! — завопил другой.

Сам же мужчина от насмешек закусил удила. Он шагнул вперед, прижав Бесс к стойке.

— Может, девушке по нраву, когда ее берут силой? — спросил он.

Бесс замутило от насильственной близости.

— Отойдите от меня!

Она ощутила, как в ней нарастает ярость, которую, как ей было известно, нужно держать в узде, что бы ни случилось.

— Думаешь, ты слишком для таких, как я, хороша? Воображаешь себя хозяйкой Бэтком Холла?

Мелкие брызги зловонной слюны летели Бесс в лицо. Она подавила порыв вытереть их.

— Я вас предупреждаю...

— Предупреждаешь, девочка? — он рассмеялся. — Чего мне бояться? Что твой дурачок братец заявится? Или сам старик Хоксмит окоротит?

Когда он упомянул имя отца Бесс, многие из стоявших вокруг стихли. Ясно было, что некоторые знали, что случилось с семьей девушки, пусть ее мучитель и не знал. Бесс открыла рот, собираясь заговорить, но в ней бурлила такая ярость, что она не могла найти слов. Никогда она не была так зла, а теперь этот отвратительный человек тянул руки к ее груди. Бесс хотела дать волю гневу, но что-то в ней страшилось такого исхода, не зная, какими будут последствия. Вместо этого она схватила стоящую на стойке глиняную кружку и замахнулась. Когда кружка соприкоснулась с лицом Дэйви, раздался пугающий треск разломившейся глины, а вскоре за ним — глухой удар, когда обидчик боком рухнул на пол. Зал наполнился смехом и криками. Агнес пробралась сквозь толпу, расталкивая ее локтями.

— Кто-нибудь, унесите его отсюда, пока большей беды не случилось, а ты, — она, нахмурившись, взглянула на Бесс, — если так хочешь повидать моего мужа, иди в ту дверь, да побыстрее.

Она кивком указала в дальний угол комнаты.

Бесс не стала ждать дальнейших уговоров и поспешила к двери; сердце колотилось от того, что она только что совершила, от того, как силен был ее гнев.

За дверью оказался узкий проход. В сумраке Бесс различила по одну сторону ступени, ведущие в погреб, а в конце коридора — другую дверь. Она ощупью пробралась вдоль стены и распахнула ее. Ей открылась картина буйного неистовства. Помещение, прежде, возможно, бывшее хлевом или конюшней, переделали, устроив арену. Вокруг нее собралась возбужденная толпа, поглощенная тем, что происходило внутри круга. Бесс пробилась сквозь кричавших, махавших руками мужчин и увидела, что довело их до такого исступления. В центре арены бросались друг на друга два петуха. Оба в крови, на обоих красовались липкие накладные шпоры из кости, привязанные к их телам. Птицы на вид были равны по весу, но живости в одном из петухов явно осталось больше. Вокруг его шеи пышным воротником стояли медные и пурпурные перья. Он подпрыгнул и, когтями и шпорами, бросился на слабейшего противника. Проигравший петух упал под натиском, из свежей раны на боку хлынула кровь, заставившая публику издать восторженный возглас. Бесс отвела глаза от несчастных созданий и взглянула на стоявших вокруг. Она увидела зажатые в кулаках деньги, горящие глаза. Что так всех возбуждало: азартная игра или зрелище жестоко пролитой крови? Бесс и так была потрясена тем, что случилось в пивной, а теперь ее едва не сокрушило царившей вокруг жаждой насилия. К ней вернулась ярость. Она посмотрела на блестящие лица мужчин, на вызывавших жалость птиц и больше не смогла все это

выносить. Она закрыла глаза. Не зная точно, что именно пытается сделать, Бесс доверилась чутью и призвала всю свою волю, силу и злость. Она собрала их, а потом отпустила, широко открыв глаза.

Двери по обе стороны комнаты распахнулись. Буйный ветер пронесся по комнате, поднял пыль и солому, ослепившую вопящую толпу, закружился шумным смерчем, заставил всех давиться взметнувшимся с пола сором. Продолжалось это не дольше минуты и прекратилось так же внезапно, как началось. Под кашель и ругань со всех сторон пыль осела, и стало видно, что арена пуста. Птицы исчезли. Толпа дружно втянула воздух от изумления, а потом посыпались ругательства и обвинения, пока шел бесплодный поиск пропавших петухов. Бесс тихо стояла среди суматохи, ища в толпе мистера Крэбтри.

Ее взгляд блуждал по комнате, когда у нее вдруг перехватило дыхание при виде высокой фигуры в широкополой черной шляпе, стоявшей в тени. Гидеон Мастерс. Что привело человека, любившего уединение, на подобное зрелище? Они встретились глазами, и на губах Гидеона заиграла легкая улыбка. Бесс поспешно отвернулась, уверившись, что лишь он один понял, что она сделала. Толпа все больше распалялась, Бесс то и дело толкали. Началось рукоприкладство, и вскоре вокруг кипела жаркая драка. Девушка увидела Джеймса Крэбтри, стоявшего рядом с Гидеоном; он качал головой, не в силах поверить, что вокруг творится такое безумие. Сбрав всю свою смелость в кулак, Бесс пробралась к нему.

— Мистер Крэбтри! — Докричаться до него было непросто. — Мистер Крэбтри!

Теперь он ее заметил.

— Господи, это кто же у нас тут?

— Бесс Хоксмит. У меня сидр на продажу, если вас заинтересует.

— Да ну? И где же?

Он оглядел Бесс, словно ожидал, что она достанет его из-под плаща.

— Так на нашей кобыле, перед вашей... гостиницей.

Крэбтри расхохотался.

— Так тебе скажу: может, там ты его и оставила, Бесс Хоксмит, но готов поспорить на всю вечернюю выручку, его там больше нет!

— Что? — ужаснулась Бесс. — Что вы такое говорите? Кто же мог его взять?

Хозяин пивной пошел прочь, все еще посмеиваясь про себя.

— Считай, повезло, если они тебе клячу оставили, девочка! Вот же!

Бесс посмотрела ему вслед, потом перевела взгляд на Гидеона. Она была уверена, что его позабавило ее несчастье, хотя лицо его ничего не выражало. Девушка развернулась и вышла через заднюю дверь. Ветер снаружи усилился. Бесс побежала к дверям пивной. Шептунья спала стоя, расслабив заднюю ногу. Переметные сумки были пусты.

— Нет! О нет!

В этот миг Бесс не могла решить, кого она ненавидит больше: воров, которые ее ограбили, или себя — за глупость.

Она поняла, что не одна, а потом услышала тихое пение, знакомую мелодию, которую кто-то мурлыкал себе под нос. Даже без слов она узнала «Зеленые рукава». Отец часто просил Бесс спеть эту песню. Девушка замерла, а Гидеон подошел и встал рядом с ней. Он перестал петь, и теперь просто смотрел на Бесс, а та боролась со слезами, твердо решив, что больше перед ним не унижится.

— Похоже, здешним людям нельзя доверять, — сказал Гидеон мягко, но в его голосе слышалась безошибочная сила.

Бесс не обратила на него внимания, она отвязывала лошадь.

— Как жаль, — продолжал он, — что такую доверчивую душу провели. Невинность в наши мрачные времена так редко встречается. И мне не по нраву, когда с ней дурно обращаются.

Бесс взглянула на него, не зная, смеется он над ней или выказывает искреннюю заботу. По выражению его лица ничего было не понять. Девушка наконец отвязала повод и стала разворачивать лошадь.

— Что ты скажешь матери? — спросил Гидеон, не потрудившись уйти с дороги.

— Правду, что же еще.

— Разве она не отчитает тебя за глупость?

— А что мне, по-вашему, лгать, чтобы себя выгородить? Что я тогда получаюсь за дочь?

— Умная, возможно?

— Лучше быть глупой и честной, чем умной и лживой.

— Достойные слова, Бесс. Восхищен целостностью твоей натуры.

Он как-то так произносил ее имя, что это выбивало девушку из колеи.

— Я не нуждаюсь в вашем одобрении, сударь.

Теперь он по-настоящему улыбнулся, просто потому, что его забавляло, как Бесс ему противостоит. Широкая улыбка смягчила и преобразила острые черты его лица и темные глаза. От глаз разбежались морщинки, и в этот миг было легко поверить, что по природе своей человек этот наделен добрым и веселым нравом. Новый, милый и обворожительный Гидеон внушил ей еще большую тревогу, чем всегдашний. Она опустила глаза и попыталась пройти мимо него. Мужчина поднял руку, без слов веля остановиться.

— Я куплю у тебя сидр, Бесс, — сказал он.

Бесс почувствовала, как вспыхнувшая заново ярость придала ей сил, но напомнила себе, что Гидеон знает, к чему приводит ее злость. То, что он видел ее тайную сторону, что она несколько неразумно открылась перед ним, ее тревожило.

— Вы отойдете или мне тащить кобылу в обход, чтобы вас повеселить?

— К чему эта резкость? Я лишь любезно предложил купить сидра.

— Вы прекрасно знаете, что у меня его нет.

— В самом деле? Ты уверена?

Бесс нахмурилась, потом обернулась посмотреть на лошадь. Сумки были загружены. Она схватилась за них, не в силах понять, что происходит. Секунду назад они были пусты — она в этом уверена. А теперь бутылки вернулись на место, и каждая, судя по весу, была полна. Бесс вытащила пробку и понюхала горлышко. Сладкий фруктовый аромат, ударивший в ноздри, ни с чем нельзя было спутать. Девушка ощутила, как по спине бегут мурашки. Она медленно обернулась к Гидеону, который между делом гладил Шептунье уши.

[Купить полную версию книги](#)

Имболк — один из четырех праздников ирландского календаря, отмечаемый в начале февраля.

Остара — древнегерманское божество, связанное с приходом весны.

Мистрис — обращение к замужней женщине в англоязычных странах.